

18+

МАЛОВ

Сергей Малов

ТЕНИ

**Тени над
державой**

Сергей Малов

Тени над державой

«Издательские решения»

Малов С.

Тени над державой / С. Малов — «Издательские решения»,

Это повествование о том, как за три столетия менялась природа власти и закона. Как вирус коррупции и имитации менял свои формы. Это роман о вечном противостоянии человека и подменяющей реальность системы. О тех, кто сквозь века продолжает искать не удобные формулировки, а настоящую правду. Текст является художественным вымыслом и не претендует на достоверность фактов и событий.

© Малов С.

© Издательские решения

Содержание

Тени над державой	6
Глава 1. «Ведомости» как приговор	7
Глава 2. Шаг за шагом	13
Глава 3. Указ не про нас	19
Глава 4. Дела европейские	23
Глава 5. Эпоха Екатерины I: Верховный тайный совет и казённый уклад	26
Глава 6. Видимость борьбы и реальность казнокрадства при Екатерине II	31
Глава 7. Рассвет после бури. Как рушилась эпоха временщиков	37
Глава 8. Зеркало эпохи: сатира на переломе времён	40
Глава 9: «Смотр бумаг». Эпоха Николая I — порядок, который давит	44
Глава 10. «От жизни к сцене»: как история Гордеева дошла до Гоголя	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Тени над державой

Сергей Малов

© Сергей Малов, 2026

ISBN 978-5-0071-4273-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тени над державой

Это повествование о том, как за три столетия менялась природа власти и закона.

От петровских указов 1705 года, екатерининского фаворитизма и николаевской «бумажной империи» до советских распределителей и современных цифровых алгоритмов роман показывает, как вирус коррупции и имитации менял свои формы.

Это роман о вечном противостоянии человека и подменяющей реальность системы. О тех, кто сквозь века продолжает искать не удобные формулировки, а настоящую правду.

Текст является художественным вымыслом и не претендует на достоверность фактов и событий.

Глава 1. «Ведомости» как приговор

Шёл 1705 год. Над Петербургом висел сырой, тяжёлый туман. Новая столица задыхалась от стройки, криков, топота и запаха гари. В канцелярии фискальской конторы было тесно и душно: низкие потолки, закопчённые балки, на стенах указы, прибитые гвоздями. На столе у Ивана Осетрова, молодого фискала, лежал свежий лист «Ведомостей о военных и иных делах».

Он водил пальцем по строчкам наборного текста:

О вредъ мародерства

Мародерство на войнѣ есть вредъ государству и безчестіе арміи. Не токмо лишаетъ войско припасовъ и силъ, но и растлѣваетъ духъ служилыхъ людей, приводя оныхъ къ небреженію службы и презренію уставовъ. Всѣмъ военачальникамъ и чинамъ надлежитъ строго пресѣкать оное, виновныхъ предавать суду, а о мѣрахъ доносить по командѣ безъ промедленія.

Подписано по указу Его Царскаго Величества.

Иван хмыкнул. «Бесчестье». На столе рядом лежали три доноса, где это «бесчестье» было расписано по пунктам: пропавший обоз с мукой, разграбленная мыза, растащенная казна.

В дверь просунулась голова Гаврилы, секретаря конторы, человека с бледным, неподвижным лицом:

— Чего хмуришься, Иван? Опять доносы разбираешь?

— Не доносы, Гаврила. Указ читаю. Пишут, что мародёрство — преступление. А у меня в бумагах чёрным по белому: кто, сколько взял и кто прикрыл.

Гаврила вошёл, сел на край скамьи и потёр ладони:

— Указ — для порядка. Чтобы ведали: государь в курсе. А дела на столе — для службы. Чтобы понимали, с кем работать.

— А если я ход пушу? Настоящих виновных под суд отдам?

Гаврила посмотрел на него без иронии:

— Скажут спасибо. И отправят с поручением в Олонец или Новую Ладогу, где болот больше, чем людей.

Иван ничего не ответил. Накинул кафтан и вышел на улицу.

У канцелярии скрипели колёса обоза, ругались возчики. В проулке солдат пытался всучить прохожему лисью шапку. Сержант из патруля рявкнул,

солдат бросил шапку в грязь и метнулся за угол. Сержант подошёл, огляделся, поднял шапку, сунул под плащ и спокойно пошагал дальше.

Иван окликнул его:

— Эй, сержант!

Тот обернулся:

— Чего надо?

— Шапку, зачем прибрал?

— Чтоб не сгнила в грязи.

— Я фискал, — шагнул ближе Иван. — Говори, чей полк? Откуда вещь?

Сержант усмехнулся:

— Из обоза, откуда ещё. Солдат голодный, сапоги рваные, вот и тащит. Ты, фискал, лучше за снабжением смотри, а не за шапками. Война идёт, пока обоз крутится. А если всех по уставу судить, воевать некому будет.

Он развернулся и ушёл.

Иван вернулся в канцелярию, сел за стол и разложил бумаги. В одном донесении пропала тридцати кулей муки. В другом, числящийся по ведомостям, но отсутствующий фураж. В третьем роспись капитана, принявшего пустые сундуки за полные.

Он обмакнул перо и вывел на чистом листе:

«По делу о пропаже казённых припасов в Ингерманландском полку...»

В дверях снова показался Гаврила:

— Не спешил бы ты с бумагой. Дай день-два, пусть уляжется.

— Не уляжется, Гаврила. Покроется другими бумагами и пропадёт.

Гаврила молча кивнул и закрыл дверь. Иван остался один над чистым листом, зная, что первая же подпись под этим докладом отрезает ему путь назад.

Осетров вышел из кабинета и втянул сырой невский воздух, тяжёлый, с примесью дыма, мокрой хвои и извести. Он пошёл по узкому проходу между свежими бревенчатыми срубами, огибая рабочих в сером мареве тумана.

У крыльца канцелярии его окликнул писарь:

— Иван Петрович, погоди! Тут ещё бумагу принесли из Артиллерийской конторы. Говорят, срочная.

Осетров взял плотный лист. На нём витиеватым почерком выведено: «Доношение о недостатке пороха при перевозке от подрядчика купца Семёна Рудакова». И ниже: «Потери при транспортировке до трети груза по причине сырости и дурного хранения».

— Треть? — Осетров насупился.

— Треть, — писарь переступил с ноги на ногу и понизил голос. — Только ты не афишируй. Говорят, Рудаков с кем-то из наказных подряды держит. Бумага-то у нас лёгкая, от сквозняка сгореть может.

Иван сжал лист. В канцелярии пропажа документов удивляла мало: чернила смывало сыростью, бумаги случайным образом уходили в печь. Но теперь сходились два следа: указ в «Ведомостях» и доношение на Рудакова.

— Кто принёс? — спросил Иван.

— Приказчик купеческий. Сказал, что по совести доставляет, а сам в сторону смотрел.

— Ладно. Спасибо, что донёс.

Иван свернул бумагу и убрал во внутренний карман кафтана.

На причале туман рвался порывами ветра. Грузчики таскали ящики, торопясь закончить до темноты. На одном из дубовых коробов Иван разглядел клеймо, то самое, что числилось на подрядах Рудакова.

Рядом у штабеля стоял пожилой десятник в промасленном кафтане. Осетров подошёл ближе:

— День добрый. Ящики откуда приняты?

Десятник покосился с подозрением:

— А тебе зачем? Из приказа будешь? У нас всё по описи.

— Не для описи. Клеймо знакомое. Дядя мой под порох тару поставлял, да пропал. Вот смотрю.

Десятник почесал затылок под шапкой:

— Порох... Шёл порох. Только треть ящиков будто из воды вытащили. А откуда вода? На барках сухо было. И коробка новые, не драные.

— И куда их?

— На списание пустили как негодный. А дальше — бог весть. Может, на дальние склады, может, в воду, чтоб концы в воду. У нас следов не любят.

Осетров кивнул и отошёл к стенке канцелярии. Сырость, списание, «негодные ящики» — схема была подготовлена заранее, до прихода барки на причал.

Он сел на лавку, достал лист и снова перечитал строчки. В окне второго этажа мелькнул силуэт Фёдора Лукича. Начальник конторы стоял у затуманенного стекла и смотрел на стройку с видом человека, который давно знает правила этой игры.

Иван Осетров шёл по набережной. Ветер с Невы гнал сырую морось, пробирая до костей. За месяц работы в фискальской конторе он успел усвоить главное: подлинный учёт здесь ведут не в ведомостях, а в личных договорённостях.

Задание числилось рядовым: проверить поставку пеньки и смолы для адмиралтейских нужд. На деле же перед ним лежала пачка контрактов с завышенными ценами и расплывчатыми актами приёмки.

На складе подрядчика Еремея Толстопятова пахло смолой, сырой шерстью и прелью. Сам Еремей, плотный, с широкими красными кистями рук, встретил фискала поклоном:

— Всё по контракту, Иван Петрович. Вот росписи, вот накладные бумаги.

Осетров вытащил из кипы прядь пеньки, волокна были влажными, местами с серой плесенью. На стропилах крыши висели капли, но в приёмном акте значилось: «Склад сух, товар к корабельному делу годен».

— Почему цена за кадь смолы и берковец пеньки вдвое выше указной? — спросил Иван.

Подрядчик не ответил. Вместо этого он показал на угловой стол, где лежал тугой мешок муки и тушка жирного гуся:

— Это для канцелярии. На обогрев, на прогоны. У вас там тоже не сахаром намазано, холодно.

Осетров не притронулся к приношению. Достал записную книжицу, обмакнул перо и внёс запись: «Крыша протекает. Пенька сырая, со следами гнили. Подрядчик Толстопятов. Цена завышена». Подрядчик молча следил за рукой фискала; в его взгляде застыла сухая досада.

Спустя три дня Осетров присутствовал на разбирательстве у судейского стола. В тесной, закопченной свечами палате судили подканцеляриста портовой конторы. Человек с синеватыми от холода губами обвинялся в том, что «по знакомству» принял партию леса без досмотра.

Судья читал выписку монотонно:

— За нерадение к службе и принятие посула в виде двух серебряных ложек и фунта чая учинить наказание кнутом на площади.

Подканцелярист упал на колени, стал сбивчиво просить пощады, говорить про малолетних детей и голод, но конвоиры уже тащили его к выходу. За соседним столом сидел купеческий приказчик в дорогом суконном кафтане, тот самый, чей лес числился в деле. Он спокойно разбирал свои бумаги, даже не подняв глаз.

Во дворе палач вывел осуждённого к столбу. Собравшиеся караульные и писари молча ждали. В этой тишине Осетрову вспомнились слова начальника: «Зацепишь мелкую нитку — порвется, а канат никто и трогать не станет».

Свистнул кнут.

Вечером в своей комнате Иван сел за стол, раскрыл записную тетрадь и проверил дневные заметки. Впереди стояла поездка на дальние смоляные склады, туда, где списывали сухогрузные барки целиком. Там его ждали уже не с гусем и мешком муки.

Дорога на дальние склады тянулась вдоль берега. Ветер гнал по воде мелкую рябь и швырял в лицо колющие брызги. Иван кутался в мокрый кафтан, соображая: подорожную ему подписали в канцелярии слишком быстро, помощник Фёдора Лукича даже не глянул в текст.

Склады стояли за полосой чахлого кустарника, длинные приземистые амбары под прогнившими крышами. У ворот дежурили двое караульных в суконных кафтанах. Один, со шрамом через щеку, шагнул навстречу:

— Кто таков? По какому делу?

Осетров протянул бумагу. Стражник повертел её в пальцах, проверил сургучную печать:

— Нынче без особого указания не пускают. Товар ценный.

— Указание перед тобой, — ответил Иван, указав на печать.

Стражник хмыкнул и кивнул второму:

— Пропусти.

Внутри амбара пахло смолой и прелью. Ряды бочек уходили в полумрак. По проходу проворно сновали грузчики, создавая суету.

Иван подошёл к ближайшему штабелю, осмотрел верхний ящик. Дерево сухое, без следов сырости, а на крышке клеймо Еремея Толстопятова. По накладным в канцелярии эта партия числилась бракованной и подлежащей списанию.

— Эй, любезный! — окликнул он грузчика с вязанкой канатов. — Ящики почему не в воде, если по бумагам гнилые?

Тот вздрогнул, опустил глаза:

— Не ведаю. Что приказано, то и таскаем.

— Кто приказал?

Грузчик не ответил и торопливо зашагал в глубь склада.

Осетров пошёл дальше, ступая тихо. В дальнем углу амбара пробивалась полоска света из приоткрытой каморки. Доносились спокойные голоса.

Иван прижался к бревенчатой стене.

— ...пусть фискал походит, посмотрит, — говорил низкий голос приказчика. — Для отчёта ему покажут пустые бочки на выкате.

— А подвал? — нервно перебил второй. — Там ещё три партии смолы под отправку в Ригу лежат.

— Не заглянет он в подвал. Бумагу проверит и уйдёт. Главное, чтоб под ноги не смотрел.

Осетров отступил. На складе его не просто ждали, для него разыгрывали нужную картину.

В углу, за грудой пустых рогож и бочек, он заметил деревянный люк с железом. Иван опустился на колено, потянул за кованую скобу. Петли тихо скрипнули, снизу потянуло холодом и смоляным духом.

— Что ищешь, господин фискал? — раздался за спиной сухой голос.

Осетров обернулся. В проходе стоял караульный со шрамом, сжимая в руке подкованный дубовый клок. Взгляд у него был равнодушный, взгляд человека, готового списать любого случайного визитёра на несчастный случай.

Иван Осетров стоял у открытого люка, а время будто застыло в густом смолистом воздухе, как капля янтаря, в которой навек увязли и скрип ржавых петель, и тяжёлый взгляд стражника со шрамом, и сама эта нелепая, но смертельно опасная сцена. Фискал тянет за кованую скобу, а караульный держит дубину, будто исполняет давно заученный ритуал.

— Что это ты тут делаешь, господин фискал? — стражник произнёс это без гнева, как древнюю формулу.

— Проверяю сток воды, — спокойно ответил Иван, не снимая руки с железа.

Стражник даже не моргнул. Для него эта абсурдная отговорка была привычной частью порядка: если начальство велело «держаться», он держал; если велели смотреть, как фискал ищет воду там, где её быть не может, он смотрел. Система держалась не на уме, а на том, что каждый твердил свою строчку в общей песне.

В этот момент из полумрака амбара вынырнул тот самый грузчик, которого Иван окликал раньше. Только теперь он шёл, не согнувшись под тяжестью рогож, а почти торжественно, будто нёс не связку канатов, а обвинительный акт.

— Тут у нас стока никогда не было, — выпалил он, глядя не на Осетрова, а куда-то в темноту между бочками. — С самого начала, как амбар поставили. А люк этот... его для другого держат.

Стражник шагнул к нему, и дубина в его руке качнулась, отсчитывая секунды до расправы:

— Ты чего болтаешь, мешок? Тебе велено носить, а не рассуждать.

Грузчик съёжился, но не отступил. В его глазах мелькнуло то самое дикое упрямство, которое появляется у человека, когда бояться становится уже бессмысленно:

— А я и не рассуждаю. Я факт говорю. Тот, который в накладных не пишет.

Иван мгновенно зафиксировал взгляд на клейме ближайшего ящика, витая буква «Т» и цифры «1703». Он достал из кармана кафтана записную книжицу и быстрым, чеканным почерком вывел: «Ящ. №417, клеймо Т-1703, дерево сухое, в накладной «сырой, к списанию». И ниже: «Грузчик свидетель, знает про подвал».

В этих сухих цифрах была своя, почти детективная сила. В фискальской службе именно такие записи становились оружием острее любого ножа.

А машина уже отвечала.

Где-то там, в канцелярии, в тёплом, пахнущем воском и чернилами зале, помощник Фёдора Лукича склонялся над сухим листом, аккуратно выводя: «Доношение: фискал Иван Осетров, будучи при исполнении, самовольно пытался проникнуть в закрытые помещения, нарушив порядок и посеяв смуту...».

Перо скользило по бумаге, будто само знало нужные обороты. Не человек сочинял донос, его подсказывала сама конструкция власти. Оставалось поставить размашистую закорючку, и бумага становилась сильнее любой правды.

Но пока эта бумага ещё не была подписана, у Ивана оставалось время.

Он снова потянул скобу. Люк поддался с протяжным, обиженным скрипом. Внизу пахло не просто сыростью, а сыростью, смешанной с терпким, едким духом свежей смолы.

— Стой! — рявкнул стражник и опустил тяжёлое дерево прямо на край крышки, перекрывая путь вниз.

В тот же миг из глубины склада выскочил приказчик Еремея Толстопятова в суконном кафтане, но с суетливым, бегающим взглядом.

— Тихо, тихо, господа! — он замахал руками. — Тут у нас особый порядок! Не для посторонних глаз!

— Для кого же тогда? — спросил Иван, не снимая руки с люка.

Приказчик замялся и выудил ту самую нелепость, которая во все века была лучшей защитой:

— Это... для учёта особых обстоятельств. Подведомственно особой комиссии. По особому распоряжению.

— Чьему распоряжению?

— Ну... кому положено.

И в этой фразе завязывался весь узел: никто не лжёт прямо, никто не признаётся в краже, все лишь ссылаются на «особые обстоятельства», которых никто не видел, но перед которыми каждый обязан замереть.

Иван медленно опустил крышку. Лезть в подвал прямо сейчас, значит дать им повод обвинить его в бунте. А ему нужно было доказательство.

Он достал копию накладной, подsunутую в канцелярии. В углу, под строкой «к утилизации», темнела едва заметная пометка чужой рукой: «Проверить подвал. С.К.».

«С.К.»... Фёдор Лукич? Неизвестный союзник? Или чужая ловушка?

Иван спрятал бумагу за пазуху.

— Хорошо, — сказал он, глядя прямо в глаза приказчику. — Пусть будет «особый порядок». Но я вернусь. С указанием и с теми, перед кем ваши «обстоятельства» не сработают.

Грузчик, проходя мимо с охапкой рогож, едва слышно шепнул, почти не разжимая губ:

— В глухую полночь тут только караул у ворот. Встречу у плетня.

И исчез в полумраке, словно растворился в смоляном тумане.

Иван вышел на улицу. Невский туман стал ещё гуще. В голове у него уже складывался прозрачный и страшный рисунок: клеймо 1703 года, сфабрикованная отчётность, закрытый подвал, таинственное «С.К.» и донос, который прямо сейчас сохнет на столе у начальника.

Это был не просто хаос — это был идеальный, смазанный машинный механизм. И чтобы сломать его, нужно было действовать так же точно: шаг за шагом, зацепка за зацепкой.

Глава 2. Шаг за шагом

Туман над Невой к утру не рассеялся, сгустился, лёг на крыши и мачты плотной промасленной парусиной. Иван Осетров шёл по скользкому бревенчатому настилу. Каждый шаг отзывался в груди глухим предчувствием: вчера он лишь задел край паутины, а сегодня она сама тянулась к нему.

В канцелярии его ждали не с докладом. За столом сидел Фёдор Лукич, пальцы сцеплены в замок, плечи напряжены, будто у человека, пытающегося удержать внутреннюю дрожь. Перед ним лежало доношение о «самовольном проникновении и посеве смуты».

— Садись, Иван Петрович, — голос начальника звучал непривычно тихо, без канцелярской сухости. — Поговорим как служилый со служилым.

Осетров сел, не расстегивая кафтана.

— Ты человек неглупый, — Фёдор Лукич постучал ногтем по бумаге. — Видишь, как колеса крутятся. Есть дела, которые трогать не стоит. Не оттого, что правды в них нет. Правда там, как гвоздь в сапоге: колоть колет, а идти надо.

— А если гвоздь этот не один? Если они в каждом сапоге, в любой партии пеньки, в каждом контракте на корабли?

Фёдор Лукич вздохнул, отодвинул лист.

— Корабли... Знаешь, сколько казённых денег уходит на один линейный? Столько, что всю эту сутолоку на болоте заново отстроить можно. И куда те деньги деваются ещё до первого гвоздя?

Осетров молчал.

— Они уходят до начала работ, — прошептал начальник, глядя мимо Ивана, в мутное окно. — И не крадут их вчистую. Их перераспределяют. Через подряды, через «особые статьи», через «непредвиденные издержки». И ведь на каждую копейку есть бумага. С печатью и подписью.

— Значит, дело не в ворах, а в самом порядке?

— Именно. И ты сейчас наступаешь на самый край этого порядка. А он бьёт не по руке, а по шее.

Иван вспомнил пометку на полях:

— Кто такой С.К.?

Фёдор Лукич замер. Взгляд его метнулся к двери.

— Степан Костин, — пробормотал он едва слышно. — Бывший помощник ревизора. Вёл учёт лесных поставок. Месяц назад ушёл «за болезнью». А через неделю его изба сгорела. По случайности, само собой.

На верфи пахло мокрой дубовой щепой, смолой и горячим железом. Над стапелями поднимались остовы будущих фрегатов, угловатые, похожие на скелеты выброшенных на берег китов.

У ворот Осетрова перехватил десятник, кряжистый мужик в выполосканном ветрами кафтане.

— Чего высматриваешь, господин? Тут не канцелярия, тут работу делают.

— Работу, — кивнул Иван и развернул выписку из реестра. — Вот, взгляни. По накладным сюда привезено пятьсот бревень дубовых. Оплачено триста рублей.

Десятник хмыкнул, вытер мозолистой ладонью усы:

— Триста рублей... Леса тут и на две сотни не сыщешь. Да и тот с гнильцой, мы его по бревнышку перебираем, чтоб остов не рухнул ещё на привязи. А деньги до нас не доходят. Уходят на «чертежи» да «приготовку места».

— Кому?

Десятник воровато оглянулся:

— Тем, у кого сургуч да печати. Канцелярским. Случись кораблю через год дать течь, с нас и спросят: «недосмотр рабочих» или «божье попущение».

Иван достал из-за пазухи скреплённые листы и внёс запись: «Верфь. Лес не соответствует оплате. Схема: деньги переведены до поставки. Вина за бракованный материал заранее переложена на рабочих».

Ответ системы не заставил себя ждать.

Вернувшись к себе в конуру, Иван увидел: засов сорван, бумаги перерыты. Записная книжка исчезла. На лавке лежал чистый лист с выведенными чужой рукой словами: «Остановись, пока цел».

Он медленно выдохнул, заставив себя расцепить кулаки.

Ночью у складов стояла глухая тишина, нарушаемая лишь плеском невиской воды да редкими криками часовых. Грузчик ждал у подклета, как и договаривались.

— Пришёл-таки, — прохрипел он из темноты.

— Веди.

Люк поддался со скрипом. Внизу, в сыром полумраке, пахнушем сухой древесиной и рогожей, стояли ящики и бочки. Не те, что числились в бракованных списках. Здесь лежал отборный, крепкий корабельный лес и снасти. А рядом, на сундуке, лежала пачка контрактов с двойной бухгалтерией.

Иван поднёс лист к тусклому свету потайного фонаря. На документе стояли две подписи: одна Еремея Толстопятова, а вторая свежая, выведенная знакомым канцелярским почерком.

Сверху раздался сухой стук сапог по доскам настила.

— Ну что, фискал? — раздался сверху голос. — Нашёл, что искал? А теперь подумай, кому ты об этом успеешь рассказать.

Время в этот момент сжалось, а потом стремительно стало уходить. Минуты тянулись как часы, а затем запрыгали с секунды на секунду, как маятник.

Тень у люка шевельнулась, и из туманного полумрака проступил силуэт, не караульного со шрамом и не приказчика Толстопятова. С лестницы спускался Фёдор Лукич. Он медленно ступал по скользким деревянным ступеням, тяжело опираясь на обвязку люка.

Иван отшатнулся, рука сама метнулась во внутренний карман, где лежал сверток с копиями накладных. Грузчик у стены сжался, вжимаясь в сырые бревна.

— Фёдор Лукич... Вы за мной?

— За тобой, — начальник опустил на нижнюю ступень, оглядел стопки коробов, бочки, рассыпанные по столу росписи. Протянул руку, но к бумагам не притронулся, только провёл пальцем по шершавому краю столешницы.

— Я ведь тебя не за подвигами в эту канцелярию брал. Думал, походишь по краям, увидишь смуту, испугаешься да отступишь. А ты в самую тину полез.

Грузчик, глотая воздух, подал голос из угла:

— Он правду искал. По закону.

Фёдор Лукич взглянул на него без гнева с сухой, усталой усмешкой:

— Закона тут на три полка хватит, да толку с него. Эта правда, любезный, не кусается, она сразу за горло берёт.

Он повернулся к Ивану:

— Схема эта не Толстопятовым кончается. И не нашими клерками. Цепь тянется до адмиралтейских коллегий и выше. Там на этих подрядах не просто копейку берут, там чины держат, дома строят, перед государем отчитываются. Если ты сейчас выйдешь отсюда с этим свертком, до суда ты не дойдешь. Сгоришь по дороге вместе с избой, с росписями и со своей правдой.

Иван сжал кулаки:

— Значит, всё зря? Все выписки, все свидетели?

— Не зря. Но живой фискал — это дело, которое можно продолжить. А мертвый, просто списанная единица в ведомости.

Фёдор Лукич шагнул ближе и понизил голос:

— Дорога на Новгород ещё открыта. Ночью у дальнего причала стоит баркас. Есть верный человек. Уйдёшь до рассвета. А там подальше от невской стройки.

— А бумаги? — Иван кивнул на стол.

— Бумаги я заберу. И запрячу так, где их ни один ревизор не сыщет, пока время не придёт.

Сверху, со стороны амбарных ворот, донёсся тяжёлый стук, будто кто-то задел сапогом дощатый настил. Фёдор Лукич замер, подняв голову.

— Пора, — отрезал он. — Тебя засекли. Кто-то видел, как ты свернул к складам. Решай прямо сейчас. Или уходишь и даёшь делу вылежаться, или остаешься здесь и тогда на твоём деле поставят крест прямо в этом подвале.

Иван перевёл взгляд с бумаг на испуганное лицо грузчика, затем на начальника.

— Хорошо, — выдохнул он. — Я иду.

— И ты с нами, — Иван обернулся к грузчику. — Тебе здесь до утра не дожить.

Тот без слов бросился следом.

Они выбрались через задний лаз к реке. Ночь встретила их ледяной моросью. У настила причала в чёрной воде покачивался баркас. Проводник в тулупе молча бросил им два промасленных рогожных плаща.

Пока Иван укутывался от ветра, Фёдор Лукич тихо проговорил у самого его уха:

— Не думай, что сбежал. Ты просто выигрываешь время. Пока ты жив — они не победили.

Баркас отвалил от мостков и растворился в тумане.

А у люка в пустом амбаре уже стояли трое. Человек в суконном кафтане перебрал оставшиеся на столе чистые листы, чуть ухмыльнулся и вымолвил:

— Пусть бежит. Без гербовых бумаг и подписей его слова просто байка для трактира.

Утро в фискальской канцелярии выдалось на удивление обыденным. Солнце пробивалось сквозь мутные слюдяные оконца, золотило пыль и высвечивало ту самую привычную невозмутимость, с которой здесь встречали любые события, хоть пожар, хоть уход фискала.

Писарь Терентий, склонившись над столом, водил пером по листу, аккуратно составляя сводный отчёт. У окна стоял помощник Фёдора Лукича, тот самый, что ещё вчера выводил доношение о «самовольном проникновении и смуте». Теперь он потирал подбородок с видом человека, способного объяснить всё, что угодно:

— Ушёл человек, — вздохнул он, покачивая головой. — Наверное, в обитель какую подался или в далёкие высылки. С фискалами такое бывает: сегодня правду ищет, завтра тишины.

Терентий хмыкнул, не отрываясь от чернил:

— А я думаю, просто понял, что не его дело в чужие подряды заглядывать. Умный вовремя останавливается.

— Вот-вот, — подхватил помощник. — И как вовремя! А то ведь мог бы и до беды дойти. А беда нам тут ни к чему. В канцелярии порядок должен быть.

В двери заглянул молодой подканцелярист со связкой реестров под мышкой:

— А записные листы его где? Ну, те, что он при досмотрах заполнял?

Помощник отмахнулся:

— Да кто же их знает... Может, с собой унёс. Может, в печь ушли. Мало ли что человеку в голову взбрёт. Главное, чтоб в делах порядок числился.

Терентий поднял глаза и ровно произнёс:

— Порядок — это когда бумаг ровно столько, сколько нужно для отчёта.

Помощник улыбнулся:

— Вот и я о том. Никакой лишней суеты.

Он достал из ящика сухой гербовый лист и подвинул писарю:

— Пиши формуляр: «Фискал Иван Осетров отбыл за отлучкою по домашним нуждам. Дело закрыто за неимением состава нарушения». И дату проставь вчерашнюю.

Терентий взялся за перо. Слова ложились на страницу ровными каллиграфическими строчками, превращая ночное происшествие в рядовую запись.

А на дальней полке, среди связок с ярлыками «Срочное» и «До указания», легла та самая стопка выписок, которую вынесли из амбара. На верхнем листе свежими чернилами стояла пометка: «В архив. За минованием надобности».

Баркас скользил по чёрной воде. Иван Осетров стоял на корме, до боли в пальцах вцепившись в мокрый планширь. Он долго не оборачивался, но у самого поворота русла всё же обернулся. Сзади, сквозь невскую морось, еле теплились редкие огни, костры караульных, смоляные факелы у причалов да тусклые окна строящейся крепости. С каждым взмахом вёсел эти редкие точки таяли, погружаясь в глухую ночную тьму.

Иван понял горькую вещь: канцелярия его даже не заметила. Его исчезновение не стало ни победой, ни поражением системы, лишь мелкой помаркой, которую легко затереть песком. Сегодня один фискал, завтра другой, а подряды, акты и казённые деньги пойдут тем же заведенным кругом.

— Не смотри назад, — тихо проговорил Фёдор Лукич, подступая ближе. — Назад смотреть — только душу травить.

— А если там всё осталось? Если я должен был...

— Ты должен был остаться живым, — отрезал начальник. — Остальное вылежится. Иногда время — единственный верный судья.

Грузчик на дне лодки молчал, плотнее укутываясь в рогожу. Ему не нужны были слова: он знал этот уклад изнутри и сейчас впервые ощущал, что вырвался из-под его давления.

Баркас вошёл в тень высокого берега. Огни береговой стройки окончательно угасли. В плеске волн и скрипе уключин к Ивану пришло спокойствие не от смирения, а от ясности. Он увидел устройство этого механизма: с его скрытыми пружинами, подложными актами и молчаливыми исполнителями. Чтобы остановить такую машину, мало просто выкрикнуть правду. Нужен расчёт.

«Я не победил, — думал Иван, глядя в темноту реки. — Но я понял, как оно устроено. А кто понял, того уже не слепо поведут».

А в фискальной канцелярии утро шло своим чередом. Терентий аккуратно пришил лист с записью «отбыл за отлучкою по домашним нуждам» к делу, прижал сургучную печать и вытер пальцы ветошью:

— Вот и порядок. Ни шуму, ни лишних расспросов.

Помощник Фёдора Лукича, перебрав бумаги в связке, хмыкнул:

— И верно. Будто и не появлялся вовсе.

Терентий поднял на него усталые глаза:

— Человек ушёл, вода сомкнулась. А бумага осталась. Бумага у нас дольше человека живёт.

Они оба взглянули на дальнюю полку. Там, в общей стопе с ярлыком «За минованием надобности», ровно лежали выписки из прошлых осмотров, сухие, молчаливые, не хранившие больше ни чужих страхов, ни опасных имен.

Новгород встретил их не колокольным звоном, а будничной сыростью, густым запахом мокрого бревна да суетливым скрипом телег на Торговой стороне.

Иван снял угол на окраине, в погребнице под постоянным двором, тесный, с низким потолком и окном на пустырь. Фёдор Лукич пробыл в городе недолго: у него оставались свои дела и свои связи с канцеляриями, из которых он не надеялся просто так выйти.

— Ты здесь в безопасности, пока не выпячиваешься, — сказал он на прощание, не глядя Ивану в глаза. — Только помни: тишина — твоя главная защита. Не ищи справедливости на площади. Пиши. И слушай тех, кто эти подряды своими руками таскал.

Грузчик Митя поначалу молчал. Сидел в углу на лавке, тербил край засаленного тулупа и смотрел в земляной пол, будто опасаясь доноса. Но на третий день, когда за окном зарядил осенний дождь, его прорвало.

— Знаешь, как нас на пристани учили? — пробормотал он. — В нутро кулей не заглядывай. Бревна в обхвате не считай. Если целовальник сказал «принято», значит, по рукам. А начнешь пересчитывать, ты уже не свой. А чужих у нас на разгрузке не держат.

Иван достал сшитую тетрадь и обмакнул перо, но писать не спешил, слушал.

— Лес сгоняли по расписанию, — продолжал Митя с горькой ухмылкой. — Пригонят плот, бревна добрые, кора сухая. А в сказках пишут: «гниль, к списанию на дрова». И тут же рядом в книге: «принято по контракту, казне уплачено». А добрый лес уходит не на верфь. На частные дворы, на подряды Толстопятова. Мы его таскали, мы и марки ставили. А кто мы такие, чтоб супротив целовальника говорить?

Он перевёл дух и добавил:

— А новичков приучали просто. Дадут куль муки или четверть вина: «Отнеси Еремею. Это не посул, это благодарность за место». И несёшь. Не понесёшь завтра на артельную разгрузку не поставят. У тебя семья, дети. Вот и выходит: грех не только наверху сидит. Он и в артели прорастает.

Иван взялся за перо. Он записывал не выводы и не обиды, а сухие факты так, как учили в фискальной службе:

«Дмитрий, артельный грузчик. Стаж на амбарных разгрузках 7 лет. Схема списания: стройматериал признается негодным до осмотра фискала. Подмена: бревна с клеймом Т-1703 вывозились на частные барки ночью. Приучение новичков: подача „благодарности“ старшинам под угрозой сброса с работы».

Митя следил за движением пера, будто в этих ровных строчках проявлялось то, что раньше не имело названия.

— Ты это... для суда пишешь? — спросил он тихо.

— Для памяти, — ответил Иван, не поднимая головы. — Если всё списать точно, с именами и датами, то даже если нас найдут, а листы сожгут — дело не пропадёт.

Митя криво ухмыльнулся, но взглянул иначе, уже без прежнего страха:

— Значит, и моя работа не впустую была. Значит, не просто так спину ломал.

А в Петербурге канцелярия жила своей размеренной жизнью. Помощник Фёдора Лукича, перебирая связки, наткнулся на формуляр с пометкой «За минованием надобности» и удовлетворительно качнул головой:

— Вот видишь, Терентий, как хорошо, когда всё вовремя закрывается. Ни суеты, ни лишних вопросов.

Терентий, привычно выводя строчки, откликнулся:

— Главное, чтобы бумага чистой числилась. А что на ней написано, всегда переписать можно.

Они не знали, что в Новгороде фискал Осетров день за днём заполняет тетрадь ночными перевозками, именами подрядчиков, номерами накладных и фальшивыми актами списания. Тетрадь, которая из простых рассказов превращалась в сухой и подробный розыскной реестр.

Глава 3. Указ не про нас

Весна 1706 года пришла в Петербург не теплом, а стуком топоров, скрипом подвод да тяжёлым, мокрым ветром с залива, гнавшим невскую воду на строительные мостки.

Слух о плахе на Троицкой площади пронёсся по стройке быстрее курьера. Еремей Толстопяттов, недавно важный подрядчик, чьи росписи стояли на контрактах Преображенского приказа и Адмиралтейства, стоял на помосте. Бледный, в помятом кафтане без пуговиц, он всё ещё огрызался и пытался кричать что-то про перерасчёт денег.

Толпа у плахи собралась пёстрая: купчики, артельные старшины, подканцеляристы, выскользнувшие из контор «за надобностью», да пара фискалов, стоявших в стороне.

Иван Осетров с Митей, пробравшиеся в город с новгородской подводой, стояли у самого края бревенчатого забора. Они не проталкивались вперёд, а слушали.

— Кабы Фёдор Лукич тогда нас не вывел на новгородскую барку, не спаслись, — тихо проговорил Митя, кутаясь в тулуп.

— Нашли голову для отчёта, — ответил Иван. — Теперь, когда дело закрыли и опись сдали в архив, можно и листы дописывать. В Петербурге нынче нас искать не будут.

Указ зачитали коротко. Голос дьяка перекрывал стук плотницких молотков с ближайшего верфяного эллинга:

— За присвоение казённых денег, за подложные сказки о поставке корабельного леса и за воровское введение в убыток флота великого государя казнить смертью.

Ни долгих увещаний, ни богословских речей. Казнь на невской стройке выглядела не торжеством суда, а привычной чисткой заклинившего узла.

Когда тело убрали, толпа побрела по рабочим слободам. Кто-то крестился, кто-то сплевывал под ноги, а артельные тихо переговаривались: «Карать-то карают, да лес всё одно гнилой привозят».

К полудню канцелярии работали в прежнем заведённом порядке. Помощник Фёдора Лукича, оправляя засаленные обшлага, раздавал чистые листы:

— Толстопяттова не стало, подряды стоять не будут. Срочно переписать росписи на сыновей купца Зайцева. И не тяните: флот к началу навигации ждать не станет.

Терентий, склонившись над столом, почесал пером за ухом:

— А старые накладные с печатью Еремея куда?

— В архив, с пометкой: «Окладные статьи закрыты по указу, за пресечением живота подрядчика». Звучит по форме.

— А наветы фискальские? Дело-то по его подрядам до конца не разобрано...

Помощник отмахнулся:

— Разборы после навигации. Сейчас главное отгрузка. Казна не должна терпеть убытка из-за одного вора.

Терентий вздохнул и ровно вывел нужную строчку. Для него это была не уловка, а единственная возможность удержать канцелярию в покое: если в книгах подписи сглажены, значит, и государству урон не числится.

На верфи тем временем тоже не задерживались. Десятник, некогда показывавший Ивану меченые бревна, уже толковал новому приказчику:

— Порядок тут простой. Хочешь сидеть на подряде, смотри не на бревна, а в сказку. Главное, чтоб в росписи стояло «сосна отборная», а уж что в барке лежать будет, то навигация спишет.

Вечером Иван встретился с Митей на Охтинском берегу, у затопленных талой водой смоляных амбаров.

Иван помолчал, разглядывая чёрную воду.

— Еремея не стало, подряд Зайцеву отдали. Помост разобрали, а росписи те же. Наказание здесь — не конец воровству, а просто списание убытка.

Митя нахмурился:

— Но государь ведь сам указ давал...

— Государь строит флот. А подряды пишут те, кто сидит у казны. Они любую плаху в смету запишут и дальше поплывут.

Иван достал из-за пазухи тетрадь, примостился на бочке и записал:

«25 апреля 1706 года. Казнь подрядчика Еремея Толстопятова. Подряды флотского леса переведены на купеческий дом Зайцевых в день казни. Схема списания брака не изменена. Приказчики получили прежние указания от десятников».

Митя смотрел на ровные строчки:

— Значит, и писать дальше?

— Писать, — кивнул Иван. — Пока всё записано с именами, датами и номерами барок, они не смогут сказать, что этого не было.

Позже, когда над рекой лёг густой туман, в каморку к Ивану зашёл Фёдор Лукич. Он выглядел осунувшимся, от него пахло сургучом и горьким махорочным дымом.

— Всё ещё листы мараешь? — спросил он, глядя на стол.

— Мараю.

Фёдор Лукич тяжеломерно опустился на лавку:

— Канцелярия любит, чтоб бумага была гладкая. А твои записи, как песок в колёсах. Сразу машину не остановят, но зубья подточат. Пусть лежат. Время придёт, каждая строчка заговорит.

Он поднялся и молча вышел в туман, оставив за собой тяжёлый шаг человека, который слишком долго служил этой машине, чтобы верить в её исправление.

Иван придвинул свечу и продолжил выводить букву за буквой.

В токарне царя было зябко не от невского ветра, а от той сырой, тяжёлой тишины, которая стояла в комнатах Зимних хором. За слюдяным окном Нева казалась свинцовой полосой, рассекающей строящийся город.

На рабочем столе перед Петром лежала стопа сказок, выписок из подрядных книг и доношений. Сверху лист из Преображенского приказа с лаконичной пометкой: «По указу великого государя подрядчику Еремею Толстопятову учинена смертная казнь на Троицкой площади. Апреля 25 дня 1706 года».

Пётр черкнул ногтем по строчке, будто проверяя, сохнут ли чернила, и поднял глаза на Меншикова. Данилыч стоял у дверей подтянутый, в суконном кафтане, с привычной готовностью слушать.

— Казнили Еремея, — проговорил Пётр. Голос его был хриплым. — Указ исполнен. А на его место купец Зайцев уже с утра свои барки метит.

— Так точно, мин херц, — ответил Меншиков. — По подряду простоя не допущено.

Пётр тяжело поднялся из-за стола, прошёлся по комнате, сунув руки за кушак:

— Простоя не допущено... А гниль как лежала в амбарах, так и лежит! Сегодня Толстопятова на плаху, завтра Зайцева? Сколько их ещё плахой учить? Воровство у нас — не один человек. Воровство в самой привычке писать две сказки на одну барку!

Он шагнул к столу и ткнул пальцем в доношение:

— Смотри! Фискал пишет: «Лес привезён, принят». А у адмиралтейского приказчика: «Лес в пути сгнил, к делу не пригоден». А в приходной книге вовсе пусто! Три бумаги, Данилыч. На одну и ту же сосну три разных реестра! И концы в воду, потому что подписи поставлены, а спросить не с кого.

Меншиков нагнулся к листу, всматриваясь в мелкие канцелярские крючки:

— Известно, воры... Пьянство да утайка.

— Не пьянство! — отрезал Пётр, ударив ладонью по столешнице так, что звякнула чернильница. — Порядок дырявый! Удобно им так: купцу — копейка, приказчику — посул, а государю — дырявый борт на таштенбеке! Казнь — это чтоб от страха не зарывались. Но плаха корабля не построи́т. Корабль строит регламент!

Он перевёл дыхание и заговорил уже тише, отрывисто, будто продиктовал указ:

— Слушай меня. Готовить указ по Адмиралтейству. На каждый подряд — один штейбух, с номерами и клеймами на каждое бревно. Отгрузили — клеймо. Приняли на верфи — клеймо и роспись приказчика. Пошла гниль, отвечать не артельному грузчику, а тому дьяку, чей знак на сказке стоит.

Пётр посмотрел на Данилыча в упор:

— И в Адмиралтейской канцелярии посадить двух верных счетоводов. Не из фискалов, что только лают, а из тех, кто в цифре толк знает. Чтобы каждую смету с накладными сводили до копейки.

Меншиков поклонился:

— Всё исполним, мин херц. Сего же дня приказчикам отпишу.

Пётр повернулся к окну. За стеклом туман окутывал мачты строящегося фрегата на верфи.

— Одному вору голову срубить легко, — тихо проговорил он в темноту стекла. — А вот сделать так, чтобы воровать стало тошно и мудрено, тут не топор нужен. Тут нужен железный устав.

В тесной погребнице постоянного двора Иван Осетров склонился над сшитой тетрадь. При свете наплывающей свечи перо выводило сухие строчки:

«25 апреля 1706 года. Казнь подрядчика Толстопятова. Реакция канцелярии: перераспределение флотских лесов на купеческий дом Зайцевых в течение суток. Вывод: смертная казнь воспринимается канцелярией как статья списания убытка, но не как остановка схемы».

Рядом на лавке сидел Митя. Он уже не отводил глаз и говорил ровно, без прежней боязни:

— А на амбарах уже зайцевский приказчик орудует. Молодой, шустрый. С ходу целовальнику и десятнику посул посулил: «Будете по совести мерить, в обиде не оставляю». И пошло по второму кругу. Только знаки на бревнах перебили, а уклад тот же.

Иван слушал и писал слово за словом на бумагу.

Он понимал простые вещи: эта тетрадь — не донос и не жалоба. Это сухой реестр того, как устроена машина. И если каждую такую мелочь с датами, именами, клеймами и поборами вынести на бумагу, то наступит день, когда канцелярия уже не сможет сослаться на неведение.

Дождь не утихал третий день. На верфях и причалах работа не останавливалась: матросы, плотники и артельные мокли под сплошной хлябью, тянули мокрые канаты и вбивали сваи. Крики десятников тонули в шуме невиской воды.

А в канцеляриях новости расходились быстрее капель. На адмиралтейском складе взяли троих: десятника, подканцеляриста и приказчика. При обыске в подполе нашли подложные росписи с перебитыми номерами барок и мешок серебра. Вывели их к столбу у Адмиралтейства без барабанного боя, зачитали указ Преображенского приказа и тут же привели приговор в исполнение. Толпа у причала смотрела молча.

Через два дня Пётр принимал доклады в Зимних хоромцах. Голос его от сырости был сиплым. Перед столом стояли Меншиков и обер-фискал, державший перед собой пачку доношений.

— Троих, значит, — проговорил Пётр, глядя поверх бумаг. — Взяли. Осудили. Повесили.

— Так точно, мин херц, — откликнулся обер-фискал. — Всё по форме, со сказками и описью изъятых серебра.

Пётр хмыкнул и поднялся из-за стола, сунув руки за кушак:

— С описью... Бумаги писать научились, а воровать не отвыкли. Ты думаешь, эти трое одни такие? Или просто страх потеряли и попались?

Обер-фискал промолчал.

— Ото ж, — проворчал Пётр, шагая к окну. — Одного вора повесишь, на его место два новых приказчика лезут. Как сорняк на пустыре.

Меншиков подал голос:

— Надо фискалам прибавить надзора. Каждую подводу досматривать.

Пётр резко повернулся, взгляд его потемнел:

— Больше фискалов? А лес кто тесать будет? Сваи кто в грязь колотить станут? Если за каждый краденый гвоздь на виселицу отправлять, работать некому будет! Мне не палачи нужны, мне флот нужен! Чтобы корабли на воде стояли, а не на посулах держались!

Он тяжело навалился руками на стол:

— Казнь — дело нехитрое. Да только плаха гнили из бревна не вынет. Нам надо не просто вешать. Надо сделать так, чтобы воровать было мудрено, а скрыть подлог невозможно. Чтобы каждое бревно клеймо имело, а за каждую подложную строчку отвечал тот, чья печать стоит.

Он ткнул пальцем в сторону обер-фискала:

— По Адмиралтейству ввести строгий учёт. Каждую барку в штейбух под номером. Не виноватых после пожара искать, а лазейки в книгах затыкать!

На верфи жизнь шла своим чередом. Новый десятник, назначенный взамен казненного, на ветру листал намокшую приходную тетрадь, сверяя клейма на ящиках со смоляным салом.

Рядом стоял Митя. Он не лез вперёд, но когда десятник запнулся, всматриваясь в размытые чернила, спокойно проговорил:

— Это из третьей росписи. Вчера под дождём принимали.

Десятник поднял на него усталые глаза:

— Ты что, все знаки помнишь?

— Этот запомнил, — ответил Митя. — Он в приходной книге дважды числился: один раз как «принятый от Зайцева», а второй как «списанный по порче». Я целовальнику сказывал, да тот отмахнулся.

Десятник вздохнул и пробормотал, поправляя тулуп:

— Прежде проще было... А нынче на каждый ящик роспись подавай.

Вечером в тесной комнате Иван Осетров внёс новую запись в тетрадь:

«28 сентября 1706 года. Казнь троих канцеляристов за подлог накладных. Указание государя: усиление карательных мер без изменения учёта не даёт результата. Задача — введение клеймения и единых штейбухов, при которых подлог проявляется до списания товара».

Иван запер тетрадь в сундучок.

— Слышал, что на верфи говорят? — спросил Митя от печки. — Десятник нынче каждый ярлык по три раза перечитывает. Боится.

— Пусть боится, — ответил Иван. — Страх пройдёт, а привычка сверять номер с записью останется. Главное, чтобы каждая бумага имела своё место, а имя свою ответственность. Тогда и казённое добро целее будет.

Глава 4. Дела европейские

Осень 1706 года накрыла Европу сырыми туманами. В Лондоне густая мгла стекала по Темзе, скрывая причалы и стоявшие на рейде купеческие галеасы. В Версале паркеты Зимнего дворца блестели позолотой, но за нею скрывались казённые счета и недоимки, понятные лишь аудиторам Генерального контроля.

Во Фландрии и на Рейне, на полях войны за испанское наследство, фуражные деньги исчезали в обозах быстрее, чем подвозили хлеб.

Париж. Версаль, суконное интендантство

В Версале стояла та особая тишина, которая бывает в министерских галереях, когда ревизоры начинают перечитывать старые ордера. Маркиз де Лаваль, чиновник интендантства сухопутных сил, стоял у высокого окна и поправлял кружевные манжеты.

На столе перед ним лежали контракты на поставку сукна для фландрских полков. Цены стояли двойные против обычных. Но поставлял сукно купеческий дом, за которым стояли интересы родни маркизы де Ментенон.

В кабинет вошёл контролёр из Финансовой палаты господин Дюваль. В руках он держал ведомость с печатями.

— Маркиз, — проговорил Дюваль без лишних прелюдий. — При выборочном сличении счетов по фландрской поставке выявлена неувязка. Сукно списано как лёжкое и бракованное, а уплачено по первой категории.

Де Лаваль спокойно вернулся за стол:

— Война не ждёт, господин контролёр. Сукно отправлено вовремя, полки обуты и одеты. Транспортные издержки и наценка за срочность внесены в ордер.

Дюваль оперся на край стола:

— Финансовая палата требует строгого учёта. Если ревизоры доложат королю о переплате тридцати тысяч ливров, кто-то должен будет подать в отставку.

— Королю нужен не отчёт, а одетые батальоны под Турином, — ответил де Лаваль, придвигая к себе ордер. — А для порядка мы внесём в ведомость пометку: «Закупки по особому распоряжению Военного министерства». Это закроет вопрос на вашем уровне?

Дюваль на секунду задумался, затем достал листок и вывел на нём суммовую цифру:

— Если к ордеру будет приложена накладная на покрытие «непредвиденных издержек комиссии», палата закрывает ревизию.

Когда контролёр вышел, де Лаваль открыл сафьяновую тетрадь и занёс запись:

«12 октября 1706 года. Контролёр Дюваль. Комиссионный сбор за закрытие ревизии по сукну 2% от суммы поставки. Внести в расходную тетрадь секретных выплат».

Фландрия. Полевой лагерь у реки Маас

На фландрском фронте, где дождь размывал дороги до ступиц, коррупция выглядела иначе. Там она пахла мокрой шерстью, дёгтем и прелым сеном.

Капитан Анри Леблан стоял перед дощатым бараком полевого комиссара и требовал ответа:

— Где сапоги для третьей роты? Везли обоз из Лилля, обещали три дня назад.

Плотный комиссар в сапогах, измазанных глиной, отмахнулся:

— Пути размыты, капитан. Часть подвод перевернулась на переправе, часть обоза брошена в грязи.

Леблан шагнул вперёд:

— Не на переправе они брошены. Ваша роспись вчера стояла на маркетантских подводах у соседней деревни! Сапоги ушли в розницу, а для полка вы написали «утеряно при транспортировке»!

Комиссар даже не наклонил головы:

— У меня в журнале стоит: «Падеж лошадей и утрата имущества на марше». Подпись полкового писаря имеется. Всё по правилам, капитан. Идите к солдатам.

Леблан развернулся и пошёл по жидкой грязи лагеря. Позади остался барак с ровными стопками актов о списании, а впереди стояли разутые солдаты, которые завтра должны были идти на штурм редутов.

Вена. Хофбург, Военный совет (Гофкригсрат)

В Вене в октябре 1706 года не было дела до парадных речей. Двор Иосифа I жил вестями из Итальянского похода и Фландрии, где армия требовала хлеба и пороха ежедневно.

Обер-комиссар Гофкригсрата граф фон Райзингер сидел за столом, заваленным накладными. В ведомостях всё числилось в исправности: мука, сукно, сено. Но граф знал: ведомости пишутся в Вене, а обозы застревают под Мантуей.

В кабинет зашёл его племянник Феликс, вернувшийся из Итальянской армии:

— Дядя, в полки принца Евгения доходит едва половина казённого провианта. На складах в Тироле муку разбавляют трухой, а сапоги разваливаются через два перехода.

Райзингер отложил перо:

— В документах, Феликс, эти сапоги числятся принятыми полковым комиссаром. На них стоят три печати.

— Но солдаты разуты!

— В Вене не видят ног солдата, — отрезал граф. — В Вене видят обозную роспись. Если я сегодня отменю приёмку и назначу следствие, остановится вся цепочка снабжения. Полки останутся вовсе без хлеба, а Гофкригсрат утонет в тяжбах с подрядчиками.

Он подтянул к себе листок и поставил визу:

— Поставим пометку: «Зачесть усушку и потерю при транспортировке через альпийские перевалы». Хлеб подвезут, а подрядчик получит своё. Это не справедливость, Феликс. Это удержание фронта.

Амстердам. Контора Ост-Индской компании (VOC)

В Амстердаме казённые деньги не пахли порохом, они пахли сургучом, смолой и пряностями.

Старший бухгалтер компании Ян ван дер Меер просматривал приходные книги роттердамского флейта. Напротив статьи расходов по прохождению таможи стояла цифра, превышавшая обычный тариф.

Младший клерк Петер осторожно заметил:

— Господин ван дер Меер, по этой статье переплата. Восемьсот гульденов ушли без указания получателя.

Ван дер Меер не поднял головы:

— В книге написано: «На покрытие портовых издержек и ускорение досмотра». Это не переплата, Петер. Это цена того, что наш пряный груз не гниёт на рейде третью неделю, пока таможенный чиновник выискивает жука в мешках.

— Но ведь это нарушение устава компании...

— Устав пишется для правления, — сухо ответил старший бухгалтер, закрывая табель. — А прибыль складывается из того, насколько быстро корабль разгружен. Внеси в расходную тетрадь как «комиссионные издержки по порту».

Мадрид. Королевский совет

В Мадриде, где молодой Филипп V пытался удержать трон, казна пустела быстрее, чем успевали приходиться серебряные галеоны из Нового Света.

На заседании Совета министр финансов дон Альваро де Мендоса разбирал жалобу флотского руководства:

— На верфях Кадиса не хватает леса и пеньки. В отчётах казначейства деньги переведены полгода назад, а кили стоят голые.

Советник дон Луис нахмурился:

— Надо отправить в Кадис королевского ревизора с конвоем.

Дон Альваро качнул головой:

— Королевский ревизор доедет до Кадиса, возьмёт у подрядчика свой процент за молчание и пришлёт нам отчёт, что лес сгнил от морского воздуха. Чтобы изменить уклад, нам нужны не новые ревизоры, а указ, по которому деньги подрядчику платятся только после того, как корабль спущен на воду.

— Ни один подрядчик не пойдёт на такие условия, — возразил дон Луис.

— Значит, флот так и будет строиться на бумаге, — ответил дон Альваро.

Рим. Ватиканская канцелярия

В Ватикане кардинал Бенедетти принимал просителей. Перед ним стоял молодой священник из провинции Умбрия, просивший средства на ремонт приходского храма.

— Вы просите восемьсот дукатов, отец Лоренцо, — проговорил кардинал, листая реестр Дароносицы. — Казна может выделить лишь четыреста.

— Но стены дадут трещину к зиме!

Кардинал мягко сложил руки:

— Вы найдёте остальные четыреста дукатов у местных землевладельцев в виде целевого пожертвования. И когда эти деньги окажутся на счету прихода, Ватикан перечислит свою часть. Это гарантирует, что средства действительно пойдут в камень, а не разойдутся по карманам местных старост.

Осенью 1706 года европейские государства жили по единому незаписанному правилу: казнить отдельных воров было легко, но казённая машина везде требовала смазки, где в виде подкупа, где в виде укрывательства, а где под видом «непредвиденных издержек».

И в Петербурге, и в Лондоне, и в Вене проблема заключалась не в наличии нечестных людей, а в самой форме учёта: пока бумага позволяла скрыть потерю, она неизбежно происходила.

Глава 5. Эпоха Екатерины I: Верховный тайный совет и казённый уклад

Санкт-Петербург, 1726 год. Приёмная светлейшего князя Меншикова

В хоромах князя Александра Даниловича Меншикова на Васильевском острове было густо от народа. У резных дверей теснились артельные, подрядчики, сосланные просители и мелкие канцеляристы с челобитными в руках. В воздухе стоял стойкий запах сургуча, дуплёного сукна и махорочного дыма.

Молодой подьячий Тихон, переведённый из Новгородской губы, ждал своей очереди на узкой лавке. Рядом сидел старый сенатский канцелярист Гаврила, протиравший засаленный обшлаг кафтана.

— Ты челобитную-то без акциденции принёс? — тихо спросил Гаврила, оглядывая провинциала.

— Справки все при мне, — откликнулся Тихон, прижимая к груди сшитые листы. — Законные, с печатями.

Гаврила хмыкнул:

— Справки у нас и в архиве стопками гниют. Закон законным, а чтобы секретарь твоё дело на стол князю положил, нужно, чтобы листы не «присохли». У нас тут не монастырь: без приношения бумага дальше сеней не пойдёт.

Из кабинета вышел секретарь в тёмном немецком платье. Окинув толпу быстрым взглядом, он остановился перед Тихоном:

— Из Новгородской канцелярии с доношением о переводе?

— Так точно, ваше благородие! — вскочил Тихон.

— У светлейшего князя дел по горло, флот, войска, Верховный совет. Твоё дело может и полгода пролежать, пока черёд дойдёт. Хочешь, чтоб сегодня к подписи пошло, оставь на переписные чернила да на угощение дякам. Рубль серебром или ведро венгерского.

Секретарь отвернулся, не дожидаясь ответа.

— Вот тебе и закон, — пробормотал Тихон, глядя ему вслед.

— Не закон, а акциденция, — поправил Гаврила. — Без неё канцелярия встанет. Князю до твоих справок дела нет, а секретарям да подьячим жить надо. На том у нас вся бумага и держится.

Новгородский уезд. Дом земского комиссара

В провинции уклад был проще и жёстче. Земский комиссар Иван Петрович разбирал окладные книги подушного сбора. Перед ним стоял деревенский староста, переминавшийся с ноги на ногу.

— Недобор по недоимкам, — проговорил комиссар, ткнув пальцем в гусиную строчку. — В сказках одно написано, а в казённый амбар хлеб не завезён.

— Год неурожайный, Иван Петрович, — вздохнул староста. — Мужики лебеду едят, провиантский сбор сдать нечем.

— С меня Военная коллегия за этот недобор шкуру спустит, — ответил комиссар. — Не сдадите хлеб, пришлю драгун на постой. Быстро провиант найдётся.

Староста почесал затылок и опустил глаза:

— А кабы мы по копейке с двора на канцелярию собрали? Да дров для твоей избы подвезли?

Комиссар откинулся на спинку стула, подтянул к себе книги и замолчал на минуту.

— Дрова привози. И недоимку до покрова закрыть хотя бы наполовину. А про остаток напишу: «По причине недорода отложено до весеннего торга». Но смотри мне: если фискал приедет, молчать.

Когда староста вышел, комиссар смахнул в стол два серебряных алтына, оставленных на краю сукна, и внёс пометку в личный журнал.

Санкт-Петербург. Заседание Верховного тайного совета

В зале Верховного тайного совета стояла тишина. За длинным столом сидели ключевые фигуры империи: Меншиков, Апраксин, Головкин, Остерман. На повестке дня стоял вопрос о флотских подрядах на заготовку дубового леса.

— Нам нужен подрядчик, который к навигации лес доставит, — проговорил Меншиков, перебирая доношения. — Купец Зайцев просит казённый аванс в тридцать тысяч рублей.

Остерман, не поднимая глаз от бумаги, заметил:

— У Зайцева в прошлую навигацию четверть бруса оказалась со свилеватостью и гнилью. Адмиралтейская коллегия просит другого подрядчика.

— Другой подрядчик три месяца бумаги согласовывать будет, — отрезал Меншиков. — А у Зайцева люди готовые и барки на Волхове стоят. Пусть даст в Канцелярию тайных дел или в казённый уклад пять сотен червонных на «непредвиденные нужды флота». И пусть лес идёт без задержки.

Адмирал Апраксин покачал головой:

— По Уставу Петра Алексеевича за такой аванс под суд отдавать надо.

Меншиков посмотрел на него в упор:

— Устав Пётр Алексеевич писал, когда флот строил. А нынче флот у пристани гниёт, потому что на каждую доску по три фискала сидит. Зайцев лес привезёт, флот пойдёт в море, а казна своё возьмёт. Пишите указ Верховного совета.

Никто из присутствующих спорить не стал. Решение внесли в журнал Совета за общей подписью.

Екатерингофский дворец. Малая гостиная

В малой гостиной стояла тишина. Императрица Екатерина Алексеевна разбирала с фрейлинами присланные из Данцига шёлки. Державные заботы она охотно перепоручала Верховному тайному совету, предпочитая не входить в сухие цифры недоимок.

Кабинет-секретарь тихо доложил о прибытии светлейшего князя.

Меншиков вошёл хозяйским шагом в расшитом серебром кафтане, с орденом Андрея Первозванного на груди. В его поклоне чувствовалась уверенность человека, держащего в руках все нити управления.

— Ваше величество, — проговорил он, подходя к столу. — Адмиралтейская коллегия просит утверждения сметы на весеннюю навигацию. Без казённого аванса корабельные мастера лес на верфи не подадут, а подрядчики уйдут на частные промыслы.

Екатерина отложила ленту:

— Данилыч, а в казне-то деньги на сие есть? Сенат опять о недоборах рапортует.

— Казна, матушка, для того и сугубится, чтобы флот на воде стоял, — ответил Меншиков, поднося указ к подписи. — Из подушного сбора перекинем часть на Военную коллегия, а подрядчиков заставим везти лес в долг под вексельную грамоту. Вашему величеству надо лишь знак поставить.

Екатерина взяла перо:

— Смотри, Данилыч. Чтобы матросы не голодали, а корабли гнильём не строили. Покойный государь за подложный лес спуска не давал.

— Всё под надзором, ваше величество, — ответил князь, принимая подписанный лист. — Лично каждый фрегат осматрю.

Хоромы светлейшего князя. Оформление подряда

В рабочем кабинете Меншикова столы ломились от смет и чертежей. Напротив князя стояли адмиралтейский советник и крупный волжский лесопромышленник.

Речь шла об отгрузке дубовых кряжей для петербургских верфей.

— Указ подпишу, — проговорил Меншиков, оглаживая шитый манжет. — Но с условием: с каждого саженика по полтине в Канцелярию тайных дел на закрытие непредвиденных издержек.

Подрядчик нахмурился:

— Ваше сиятельство, парусный дуб и без того в цене поднялся. Да и Сенатская контора за выходы из сметы спрашивает.

Меншиков чуть прищурился:

— Сенатская контора спрашивает то, что ей разрешено спросить. А без моей подписи твой дуб на Волхове гнить останется, пока ты с Сенатом переписываешься. Хочешь подряд, принимай условие. Не хочешь, завтра зайцевские артели в петербургскую гавань зайдут.

Купец опустил глаза:

— Быть по-вашему, ваше сиятельство. Внесём в счёт как «издержки на сплав и охрану».

Уездная канцелярия. Приезд фискала

В провинциальном воеводском доме царила суматоха: из губернии шёл фискальный ревизор. Воевода разбирал с канцеляристом окладные книги.

— С чем ревизор идёт? — спросил воевода, запечатывая сургучом сундучок.

— С доношением от сельских старост, — ответил канцелярист. — Пишут, будто мы при сборе подушных денег сверх указа по два алтына с двора имали.

Воевода хмыкнул:

— Сверх указа... А на что мне писцов содержать? Чем свечи в канцелярию покупать, да гусиные перья? По закону нам полсотни рублей в год положено, а присылают десять!

Он поднялся из-за стола:

— Готовь подводу, свежую стерлядь и ведро наливки. Ревизору укажем, что алтыны шли на починку мостов и содержание казённого тракта. Старостам скажи: если пред фискалом лишнее сболтнут, рекрутский набор с их деревень в первую очередь закрою.

Заседание Верховного тайного совета

В зале Совещений заседали ключевые фигуры правления: Меншиков, Головкин, Апраксин и Остерман. На столе лежала жалоба Адмиралтейства на подлог документов при приёмке пеньки.

Граф Остерман, сохраняя бесстрашие, заметил:

— Подрядчик Зайцев поставил прелую пеньку. Согласно Уставу, следует отписать его имущество в казну, а самого отдать под суд.

Меншиков постучал перстнем по сукну:

— Отдашь Зайцева под суд, встанет заготовка снастей для всей навигации. Другого поставщика у нас до осени не будет.

Адмирал Апраксин возмутился:

— Так мы кражу в правило возводим!

— Мы флот строим, Фёдор Матвеевич, — отрезал Меншиков. — Зайцеву сделать внушение через Адмиралтейскую коллегия, пеньку перебрать, а недодачу вычесть из его будущего расчёта. Пишите протокол Совета: «Дело оставить до окончания навигации без движений, дабы не чинить остановки казённому строению».

Никто из присутствующих возражать не стал. Протокол закрепили печатями.

Поздний час на Васильевском острове.

Ночью в кабинете Меншикова горела одиночная свеча. Секретарь складывал уложенные в портфель указы с сургучными печатями.

— Все бумаги готовы, ваше сиятельство. Ревизорам отправлены ордера за вашей подписью.

Меншиков стоял у окна, смотря на тёмный силуэт Невы и стоявшие у пристани мачты.

— Пусть проверяют, — тихо проговорил он. — Бумага чиста, подписи на месте, флот строится. А что между строчками ушло, то казённая смазка. Без неё в России ни один корабль в воду не сойдёт.

Канцелярия Военной коллегии. Холод и бумаги

В подвальных покоех Военной коллегии царил сырой пронизывающий холод. Дров на топку печей Канцелярская контора выделяла вчетверо меньше нормы. Чиновники сидели в поношенных сюртуках и подбитых заячьим мехом тулупах, онемевшими пальцами сжимая гусиные перья. На столах среди развороченных окладных книг стояли черепки с углями, над которыми грели руки писцы.

Канцелярист Иван склонился над ведомостью даточных людей, перебирая засаленные листы.

— Третий год без полного жалованья, — сипло проговорил он, не поворачивая головы. — Опять из казённого оклада вычли треть на провиантский запас. Чем квартиру платить?

Сидевший напротив старый секретарский помощник Афанасий, прослуживший ещё при Ближней канцелярии, лишь хмыкнул:

— Чем платить? Акциденцией, Ваня. Что проситель на стол положит, тем и сыт будешь. Не от воровского умысла, а чтоб не сдохнуть у государственного стола.

— Так ведь в Генеральном регламенте за посулы жёсткий штраф и шельмование прописаны, — возразил Иван.

— Регламент писан, когда казна полна была, — отрезал Афанасий. — Нынче Сенат сам знает: не дашь чиновнику от дел кормиться, завтра ни один подьячий к делу не сядет. Проситель даёт не за кривду, а за скорость: чтоб его челобитную не в нижний сундук положили, а сего дня под печать подвели. Без этой полушки у нас ни чернил, ни свечей, ни бумаги в коллегии не останется.

В комнату вошёл протоколист и сбросил на стол стопу указных листов:

— Из Верховного совета повеление: суконные оклады сократить, свечи жечь только до четвертого часа, а жалованье за прошлый год выдать вексельной бумагой.

Афанасий посмотрел на подпись под указом и усмехнулся:

— Вот тебе и весь указ: «Живите, подьячие с просительских дач». Нынче это не грех, а государственная статья.

Кабинет генерал-прокурора Ягужинского

У Павла Ивановича Ягужинского в кабинете топило исправно, но разговор с обрядчиком дел шёл тяжёлый.

— В коллегиях треть писцов на службу не выходит, — сухо докладывал обрядчик. — Жалобы идут: без приношения челобитные месяцами лежат. В Юстиц-коллегии за подпись на выписи из межевой книги прямым обычаем берут по рублю.

Ягужинский сжал пальцы в кулак:

— Взятка есть разорение государевой службы! По Уставу Петровскому за сие батоги и ссылка на галеры!

— Павел Иванович, — тихо перебил обрядчик. — По уставу-то оно так. Только в казне на содержание канцелярий средств нет. Всё уходит на закупку корабельного леса да на удержание полков в Лифляндии. Если мы сейчас начнём канцеляристов за полушки к столбу ставить, завтра встанут суды, коллегии и сами фискальные конторы.

Генерал-прокурор поднялся и подошёл к карте империи:

— Предлагаешь закрыть глаза?

— Предлагаю не путать воровство казённых денег с челобитной акциденцией. Пусть берут с просителей за переписку бумаг, но без вымогательства и без кривды в суде. Иначе управление краем рухнет раньше, чем флот из гавани выйдет.

Ягужинский долго молчал, глядя на лежащий на столе Указ о фискалах.

— Смотреть строго, — проговорил он наконец. — Кто возьмёт за заведомую ложь или ущерб государству, того под суд. А за переписку бумаг... до времени сквозь пальцы смотреть.

Земская изба. Провинциальная бумага

В уездной канцелярии комиссар принимал волостного старосту. На лавке возле дверей стояли два туеса с соленой рыбой и кошель с медным чеканом.

— Вот, батюшка, — гудел староста, кланяясь. — От общества на канцелярию, чтоб переписные книги по нашей волости без ошибки в губернию отправили.

Комиссар, не поднимая глаз от бумаги, указал на угловой сундук:

— Туда ставь. Да смотри, чтоб хлебный сбор к Покрову без недоимки привезли.

— Так год неурожайный, — почесал затылок староста. — Народец едва перебивается.

— А у меня писцы четвертый месяц без муки сидят, — резко отрезал комиссар. — Бумагу для окладных книг я на свои деньги в губернии покупал! Не привезешь сбор, пришлю роту солдат на правож. Они быстро научат, как казённую статью уважать.

Дворец Меншикова. Разговор с Остерманом

В залах светлейшего князя вешали новые зеркала. Меншиков и вице-канцлер Остерман сидели за десертным столом.

— В Сенате лежит проект о полном переводе мелких канцелярских чинов на содержание от просительских дел, — сдержанно произнёс Остерман. — Европа нас не поймет, Андрей Иванович. Сие выглядит как узаконенное лихоимство.

Меншиков пригубил венгерское:

— Европа, Андрей Иванович, пусть свои деньги считает. У нас казна пуста, а флот и армию держать надо. Чем я буду платить трем тысячам подьячих по всей империи? Из своего кармана?

— Но это разрушает правосудие, — нахмурился Остерман.

— Правое дело и без денег прошибёт, — хмыкнул Меншиков. — А неправое, так за него хоть так, хоть эдак заплатят. Главное, что государство на эти тысячи мелких ртов ни копейки из подушного сбора не тратит. Они сами себя кормят, да ещё государственную бумагу в порядке держат. Это не лихоимство, Андрей, это экономия казны.

Екатерингоф. Доклад императрице

Кабинет-секретарь Макаров зачитывал Екатерине I краткую выписку о государственных доходах и расходах.

— ...На содержание канцелярий и коллежских приказных людей требуется триста тысяч рублей. В казне свободной наличности менее пятидесяти тысяч.

Екатерина перебирала кружева на рукаве:

— А люди-то как же? Неужто с голоду мрут?

— Промышляют, ваше величество, — осторожно ответил Макаров.

— Просители за труды им некоторую плату чинят. В коллегиях сие за обычай стало.

Императрица вздохнула, вспомнив прошлые годы и покойного государя:

— Пётр Алексеевич за сие строго карал... Да только нынче время другое, флот достраивать надо. Если просители сами канцелярии содержат, пусть так и будет. Лишь бы в народе великого ропота не поднималось да дела не останавливались.

Секретарь наклонил голову:

— Всё исполняется по вашему повелению, ваше величество. Дела идут своим чередом.

Глава 6. Видимость борьбы и реальность казнокрадства при Екатерине II

Приёмная Правительствующего Сената

В Сенатской прихожей толпились просители: купцы в суконных кафтанах, мелкопоместные дворяне, стряпчие и ходоки из дальних губерний. В воздухе стоял стойкий запах сургуча, юфти и перегорелого сального огарка.

За длинным столом молодой сенатский регистратор Илья, едва принятый на службу после Законоспасской академии, с непривычки робко перебирал тетради подрядных дел.

Сидевший подле него старый протоколист Кузьма Степанович, протерев краем кафтана оловянные очки, негромко заговорил:

— Ты, Илья, над манифестом о лихоимстве не мудрствуй. Государыня его писала, чтобы законам честь задать. А служба наша живёт не тем, что в Наказе напечатано, а тем, что в прихожей на стол положат.

— Так ведь в указах прямо написано: «всякие посулы и акциденции строго запрещаются», — шепнул Илья.

— Указ запрещает за кривду брать, — сурово перебил Кузьма Степанович.

— А за то, чтобы дело из нижнего сундука на стол к секретарю переложить, сие не мзда, а благодарность за труды. Не дашь канцеляристу на бумагу да на свечи, твоя челобитная до следующей ревизии под спудом пролежит. Казна жалование высылает с трёхгодовичным западанием. Чем писцам семейство кормить?

В этот момент из судейской комнаты вышел секретарский помощник:

— Кто по казённому подряду купца Семёнова?

Вперёд выступил плотный мужчина, подал переплетённую челобитную и вместе с нею уложил на сукно стола плотный конверт. Помощник, не меняясь в лице, сдвинул бумагу в ящик.

— Видал? — спокойно молвил Кузьма Степанович. — Не с крика и не с грабежа. Всё по чину и по согласию. Это не поломка службы, Илья. Это колесо, на котором весь Сенат держится.

Кабинет Екатерины II

В кабинете императрицы царила тишина. На резном секретере лежали листы «Наказа» с маргиналиями, набросанными рукой государыни, и свежие донесения от фискальской канцелярии.

Екатерина стояла у окна, рассматривая заснеженный двор Зимнего дворца. За её спиной застыл кабинет-секретарь Козицкий.

— Выпишите ещё раз для Сената, — проговорила императрица по-французски, а затем перешла на русский язык: — «Лихоимство обнажает суд и делает правосудие куплею. Требую от всех судей и приказных людей промышлять единственно жалованием».

Козицкий склонил голову и быстро заскрипел пером.

— И прибавьте: за явный посул — лишение чина и высылка в дальние города.

Когда секретарь вышел, Екатерина вздохнула и опустилась в кресло. Вчерашний секретный доклад Генерал-прокурора Вяземского лежал под сукном: воеводы в Казанской и Белгородской губерниях держали приказных исключительно на «кормлении от дел», а деньги казны из недоимок уходили на покрытие суконных подрядов.

Государыня понимала: сломать эту привычку одним указом невозможно. Империя требовала сотен тысяч грамотных рук, а казна не могла дать им и половины положенного содержания.

Уездный город. Воеводская канцелярия

В провинциальной Воеводской избе было прохладно и темно. Воеводский товарищ принимал купеческого старосту, пришедшего с челобитной о задержке рекрутского набора.

— Дело твоё сложное, — важно произнёс воеводский товарищ, разглядывая синюю печать на челобитной. — В губернию рапорт посылать надо, а у нас ни прогонных денег для курьера, ни бумаги казённой не осталось.

Купеческий староста, знавший порядок, вынул из-за отворота кафтана кошелек и аккуратно опустил его рядом с чернильницей.

— На канцелярские нужды, батюшка. Только бы до покровских ярмарок наших ребят не требовали.

Воеводский товарищ сдвинул кошель в глубокий карман сюртука:

— Теперь дело пойдёт окладным порядком. Приказным накажу, чтоб выпись заготовили к завтрашнему дню.

— А результат верен будет? — тихо спросил купец.

— Верен ли результат, Бог ведает да Губернское правление, — отрезал воеводский товарищ. — Я берёг твоё время. А за Высочайшую волю я ответа не даю.

Доклад Генерал-прокурора А. А. Вяземского

Александр Алексеевич Вяземский разбирал с ревизорами материалы по жалобе на Нижегородскую канцелярию.

— Жалование там три года как не выдавалось, — сухо докладывал обрядчик дел. — А между тем канцеляристы строят каменные дома, а воевода держит выездные экипажи.

Вяземский нахмурился:

— Взяточничество?

— Не только. Вся канцелярия переведена на «акциденции» от просителей. Без дачи ни одна выпись не выдаётся.

— Императрица требует строгих мер и указаний, — проговорил Вяземский, глядя на стопу бумаг. — Если мы сменим весь состав Нижегородской конторы, кто сядет за окладные книги? Кто будет собирать подушный сбор?

— Найти новых негде, Александр Алексеевич. Прочие губернии сидят на том же законе. Генерал-прокурор поднялся:

— Наказать только начальника конторы за вымогательство и государственный ущерб. Остальным чинам учинить строгое внушение. Канцелярия останавливаться не должна.

Тверская деревня

В волостном селе староста собирал с крестьян подушную подать, добавляя к ней отдельную полушку «на воеводский поезд».

Возле избы стояла вдова, утирая край платком:

— Милосердуй, староста. Хлеба нет, последнюю овцу на базаре продала, чтобы казённый оклад закрыть. Откуда ещё полушку взять?

Староста вздохнул, не поднимая глаз от счётной доски:

— Не дашь полушку, приедет воеводский сержант. Он овцой не возьмёт, он всю избу выставит на правеж. Я не себе беру, мне самому воеводским приказным за выпись платить надо. Так повелось: не подмажешь приказ, деревня без защиты останется.

Санкт-Петербург. Приёмная светлейшего князя Платона Зубова

В приёмных залах фаворита на Миллионной улице толпились сановники, заграничные резиденты, армейские генералы и южные подрядчики. В воздухе стоял густой аромат французских духов, заморского табака и накрахмаленных жабо.

Молодой капитан-лейтенант Фёдор, прибывший из Севастопольского адмиралтейства с донесением о состоянии Чёрноморского флота, ждал вызова на лавке у резных дверей.

Сидевший подле него пожилой коллежский советник тихо проговорил:

— Ты, флотский, со своим рапортом о гнилых канатах за двери не пройди. Светлейшему не о недостачах докладывать надо, а о проектах, где казённый капитал оборачивается.

— У меня приказ адмирала донести о голоде в экипажах и провиантской недодаче, — твёрдо ответил Фёдор.

Советник усмехнулся:

— Донесёшь, рапорт лежать останется в сундуке Кабинета. У Платона Александровича день расписан: отдача черноморских земель, винные откупы, подряды на южные крепости. Без рекомендации или откупного векселя к подписи ничего не пойдёт. Нынче служба идёт через фаворитский двор: не зацепишь интерес светлейшего, останешься на рейде без сапог и провианта.

Из внутренних покоев вышел секретарь в шитом серебром кафтане, держа в руках реестр челобитных:

— Кто по подряду на поставку корабельного дуба в Николаев?

Вперёд выступил плотный купец с вексельной папкой. Секретарь, не смотря на него, тихо произнёс:

— Пятая доля от государственной сметы на «домовые нужды» канцелярии зафиксирована?

— Всё по договору, ваше высокоблагородие, — поклонился купец, передавая сургучный конверт. — Сверх сметы вексель на херсонские суконные заводы приложен.

— Проходи к секретарю по флотским делам, — отрывисто ронял чиновник, вычеркивая имя из списка.

Кабинет светлейшего князя

Платон Зубов — фаворит, генерал-фельдцейхмейстер и кавалер всех российских орденов сидел за столом из красного дерева, перебирая указы о пожаловании земель в новоприсоединённой Очаковской области.

Напротив стоял южный заготовитель сукна:

— Ваше сиятельство, тридцать копеек за аршин — цена крайняя. При таком удержании сукно на армейские кафтаны придётся ставить маломерное.

Зубов, не поднимая глаз от карты Польского края, сухо произнёс:

— Зато подряд на пять лет вперёд и без конкурса через Военную коллегия. Десять процентов от суммы контракта отдашь в Черноморскую адмиралтейскую канцелярию. Не согласен, отдадим подряд херсонским купцам. Они и за двадцать пять копеек сошьют.

Купец сглотнул, поклонился и опустил голову:

— Согласен, ваше сиятельство. Указ подпишите.

Одесса. Штаб адмирала Осипа де Рибаса

В Гаджибее, переименованном в Одессу, пахло морем, свежей сосновой стружкой и каменной пылью. В кабинете главного начальника и строителя города адмирала де Рибаса кипела работа. На столе лежали чертежи мола, эллингов и купеческих складов.

Де Рибас объяснял инженер-полковнику де Волану план застройки Портовой линии:

— Нам нужно поставить мол до осенних штормов. Казна даёт деньги со сбоем, а Петербург требует отчётов о готовой гавани.

— Не хватает подвоза бутового камня и леса, Осип Михайлович, — ответил де Волан. — Подрядчики просят наличный аванс.

Де Рибас ухмыльнулся, закручивая ус:

— Отдай откуп на портовые сборы и место под склады греческим купцам. Они дадут наличную ассигнацию прямо сейчас.

— А как же Указ о казённых торгах? — нахмурился инженер.

— Указ в Петербурге, а мы на краю империи, Франц, — отрезал де Рибас. — Купцы получают вольную торговлю и места у пристани, мы деньги на постройку мола и жалование

рабочим ротам. Наш интерес поднять город и флот. А в бумагах для Кабинета напишем: «На постройку гавани израсходовано по смете из сумм Портового правления».

Зал Зимнего дворца. Доклад Кабинет-секретаря

Императрица Екатерина II сидела в глубоком кресле, укрыв ноги меховой полостью. На столе перед ней лежала стопа Высочайших указов о пожаловании имений и крестьянских душ за польские и турецкие походы.

Кабинет-секретарь Грибовский зачитывал статьи:

— ...Графу Зубову три тысячи душ в Подольской губернии и казённые земли по Днестру. Адмиралу де Рибасу два участка под строительные дачи в Очаковской степи.

Государыня взяла перо:

— Подпишу. Служба на юге тяжела, земли надо заселять и укреплять знатными дворянами.

Грибовский осторожно заученным тоном заметил:

— Ваше величество, Сенат рапортует, что отдача государственных деревень в частное владение уменьшает поступление подушного сбора в казённую палату.

Екатерина посмотрела на него строгим взглядом:

— Империю держат не подушные алтыны, Грибовский. Империю держат верные люди, которые стоят во главе полков и флотов. Если мои генералы и министры не будут богаты и признательны престолу, казна не спасет от смуты. Подписывай указы.

Санкт-Петербург, 1783 год. Гостиная княгини Дашковой

В зале княгини Екатерины Романовны Дашковой, недавно пожалованной директором Академии наук, господствовал дух Просвещения. Пахло восковыми свечами и свежей типографской гарнитурой, Екатерина Романовна истинно услаждалась, когда в её дом приносили первины академических тиснений.

Нынче у неё собрались мужи, коих имена уже становились славой отечественной словесности: Денис Иванович Фонвизин, Гавриил Романович Державин и издатель Николай Иванович Новиков.

— Поверьте, Денис Иванович, — вещала княгиня, обращаясь к Фонвизину, — ваша комедия «Недоросль» произвела такое движение в умах, что о ней судят даже в отдаленных наместничествах. И не яко о забавном фарсе, но яко о зеркале, в коем всяк принужден усмотреть собственные нестроения.

Фонвизин чуть склонил голову, выдерживая благородную скромность:

— Я не искал обиды личностям, Екатерина Романовна. Я возымел намерение лишить покрова вред, происходящий от небрежения к наукам. Ежели дворянин возрастает в невежестве, он делается обузой и опасностью для своего Отечества. Госпожа Простакова не есть зверь от рождения, но слепое неведение делает её лютой мучительницей дворовых.

Державин, сидевший у окна в вицмундире, усмехнулся:

— А я в оде «Фелица» восхотел предъявить иное: как просвещённая Монархиня способна служить образцом для подданных. Я не слагал фимиама, я изображал идеал, к которому надлежит прилежать всякому гражданину.

Новиков, строгий и озабоченный трудами, тихо молвил:

— Однако же единого изящного стихотворства мало. Надобны книжицы, доступные всякому званию. Оттого я и понуждаю типографии тиснуть учебники, азбуки да сатирические листки. Желаю, дабы слово полезное не закоснело в аристократических залах, но проникало в уезды, в школы и в мещанские дома.

Присутствовавшие в гостиной молодые академические слушатели и писатели внимали с глубоким почтением: печатное слово на их глазах претворялось из придворного услаждения в суд общественной совести.

Печатный двор Новикова: Слово к исправлению

На следующий день Новиков посетил печатню, где производилось тиснение его изданий. В залах стоял стук деревянных и чугунных прессов, пахло олифой и сырой бумагой, а на столах покоились стопы свежих гранок.

Николай Иванович обходил наборщиков, лично осматривая каждый лист:

— В этой строке допущена погрешность! — строго указал он мастеру. — Искажено понимание речи. А разумение — есть главное. Мы не просто буквы отливаем, мы мысли внедряем в общество. Коли мысль выйдет кривой, то и поступок читателя будет неверным.

Обращаясь к молодым подмастерьям и корректорам, Новиков молвил:

— Если кто спросит, к чему столько журналов, ответьте: «Трутень» и «Живописец» выходят не для праздного смеха. Они тиснуты для того, дабы человек научился примечать пороки не в абстрактном супостате, а в собственном обиходе. Дабы чиновник, прочтя сатиру, вострепетал: «А ведь и я беру посулы!» Дабы помещик, посмеявшись над Простаковой, спохватился: «А ведь и я держу своих людей в невежестве!».

Один из молодых наборщиков замешкался:

— Но в силах ли сатирическое слово переменить обычаи, укоренённые веками?

Новиков ответил без улыбки:

— Слово не ломает уклад в одночасье. Но оно рождает сомнение в душе. А сомнение есть первая ступень к исправлению. Коли человек устыдился того, что вчера почитал за обыкновение, стало быть, печатное слово совершило своё дело.

В театре: Смех, обращённый в стыд

В Вольном театре на Васильевском острове давали представление «Недоросля». Зал был полон: сидели знатные сановники, молодые офицеры, купцы и столичные учителя.

Когда на подмостках Простакова принялась бранить подвластных, будто весь мир создан для её произвола, партер отозвался смехом. Но по мере того как раскрывалась глупая жестокость, веселье утихало. А когда Митрофан равнодушно оттолкнул мать с речью: «Да отвяжись, матушка, как навязалась!» — в зале воцарилась тяжёлая тишина. То была тишина устыдившегося общества.

После спектакля Фонвизина встретили у выхода почитатели и затеяли разговор.

— Приметили ли вы, как переменялся дух публики? — спросил писатель у присутствовавших. — Сперва забавлялись, а после прискорбно стало. В том и

состоит истинная цель сатиры: не тешить праздность, но призвать гражданина к строгому разбору самого себя.

— Но ведь многие изволят гневаться, — заметил один из молодых офицеров. — Твердят, будто вы возводите поношение на благородное сословие.

Денис Иванович пожал плечами:

— Пусть гnevаются. Лучше досадовать на правду, нежели гордиться спесью. Коли моя пьеса заставит хотя бы одного отца задуматься над воспитанием сына, значит, труды мои не пропали втуне.

В письменном покое Державина

В те же дни Гавриил Романович Державин принимал у себя молодых поэтов. На столе мастера покоились черновики од, испещрённые его размашистым почерком.

— Я искал слог, — говаривал Державин, прохаживаясь по покою. — Торжественная ода прежде служила лишь для похвалы. Но я уразумел: высокий слог можно обратить на обличение неправды. Пусть стих гремит, а предмет под ним будет низок, сам контраст поразит разумение читателя!

— Зрите ли? — продолжил Гавриил Романович. — Я не нарицаю имен. Но всякий неправедный судья или грабитель народный узнает в сих стихах своё нечестие. И в том заключается сила поэта: выговорить истину так, дабы всяк уразумел, но ни один вельможа не мог объявить: «Сие сложено лично против меня».

Век Екатерины II предъявил России новое явление: словесность претворилась из придворного стихосложения в дело общественной пользы. Фонвизин извлекал смех, дабы пробудить стыд. Державин возвышал одический стих, дабы разить порок. Новиков подвизал типографские станки, дабы полезное слово проникло в каждый уезд.

И сама Монархиня поощряла сие просвещение, участвовала в журналах и верила, что разум способен исправить нравы.

Но в этом движении проступала и иная сторона: слово, призывающее к исправлению, разило глубоко. Оно способно было разбудить не только совесть, но и гнев. И спустя десятилетия этот гнев востребует не просто исправления отдельных пороков, а коренного переустройства всего казённого уклада, того самого, сквозь который в XIX веке пройдёт следующий герой русской словесности, Арсений Нечаев.

Глава 7. Рассвет после бури. Как рушилась эпоха временщиков

Зимний дворец. Первые часы нового царствования

В залах Зимнего дворца воцарилась непривычная, строгая тишина. Ушли в прошлое шумные дежурства фаворитов и дворянские съезды. Придворные чины молча замерли вдоль стен в ожидании новых Высочайших повелений.

Император Павел стоял у окна Кабинета, глядя на туманную Неву. Подле него с пачкой донесений находился граф Фёдор Васильевич Ростопчин.

— Всё, что раздавалось по личной милости, — произнёс Павел, поворачиваясь к секретарю, — должно быть возвращено в рамки строгого устава. Ни одна деревня, ни один рубль, отданный в обход государственной пользы, без проверки не останутся.

Ростопчин склонил голову:

— Государь, Сенату и Казённым палатам подготавливаются рескрипты о наложении секвестра на сомнительные пожалования и остановке не выслуженных пенсий.

— Я не мщения ищущу, а порядка, — отрезал император. — Кто служил по уставу и присяге — останется при чине и жаловании. Но тот, кто путал государственную казну с собственным карманом, ответит по всей строгости военных законов.

В двери тихо постучал дежурный адъютант:

— Ваше императорское величество, генерал-фельдцейхмейстер князь Зубов просит аудиенции.

Павел замер, выпрямил осанку и сухо отдал приказ:

— Отказать. Передать князю, чтобы заготовил отсчётные ведомости по Канцелярии главной артиллерии и Фортификации. Пусть привыкает к тому, что отныне не фаворитский двор открывает двери, а усердие к службе и устав.

Санкт-Петербург. Правительствующий Сенат

В Сенатской канцелярии сменился сам дух службы. Пропали неспешные беседы за сальным огарком, столы канцеляристов были расчищены от

посторонних челобитных, а на сукне лежали новые Высочайшие указы о форме одежды и порядке делопроизводства.

Титулярный советник Илья Петрович разбирал экстренные предписания о проверке смет. Подле него стоял старый протоколист Кузьма Степанович, нервно поправляя треугольную шляпу нового образца.

— Слышал, Кузьма Степанович? — тихо проговорил Илья. — Кабинет с сего дня требует сплошной выверки всех подрядов по Морскому и Военному ведомствам за последние три года.

— Слышал, Илья, — вздохнул старослужащий. — Нынче не про «акциденцию» спрашивают, а требуют сличить окладные книги со шнуровыми журналами. Поймают на недодаче хотя бы алтына, не просто со службы сдвинут, а покроют штаб-офицерским судом.

В канцелярию вошёл обер-прокурорский инспектор с пачкой актов:

— Где книги расхода сумм на канцелярию и протоколы дачи выписей?

Илья мгновенно поднялся с места:

— Все книги запечатаны, ваше высокоблагородие. Реестр выверен до копейки.

Инспектор строго осмотрел документы:

— Смотрите, чтобы всякая цифра подкреплялась подлинным ордером. Нынче за каждую утаённую душу и неверную ассигнацию ответ держать перед монаршим гневом.

Подмосковное имение князя Зубова

В подмосковной вотчине, ещё недавно пожалованной светлейшему князю из государственных земель, работала Сенатская ревизионная комиссия.

Ревизоры в строгих мундирах запечатывали амбары, переписывали конские заводы и скрупулезно сверяли ревизские сказки с наличным числом крестьянских дворов.

Приказчик князя, сжимая в руках жалованную грамоту, пытался заявить протест:

— Имение передано его сиятельству Высочайшим указом в вечное и потомственное владение! Это частная собственность!

Старший ревизор, не отрываясь от ведомости, сухо перебил:

— Указ Екатерины II проверяется на предмет отчуждения государственных земель без согласия Сената. Нам поручено установить: сколько недоимки числится за этой волостью и не было ли здесь укрывательства рекрутских наборов.

— Но князь... — начал было приказчик.

— Князь от дел отстранён, — отрезал ревизор. — До завершения сыска имение поступает под опеку Казённой палаты.

Одесса. Штаб-квартира адмирала де Рибаса

В Одесском порту притихла стройка. Рабочие роты стояли в казармах, а на верфях прекратилась пилка корабельного леса.

Адмирал де Рибас сидел в своём кабинете перед разложенными планами южных фортификаций. В дверь вошёл его адъютант с пакетом из Государственной военной коллегии:

— Ваше превосходительство, пришёл рескрипт. Все ассигнования на постройку порта приостановлены до прибытия правительственной комиссии. Требуют предоставить первичные сметы и договоры с греческими и иностранными купцами.

Де Рибас медленно отложил циркуль:

— Назначена поверка... Спрашивают о ценах за сажень каменной кладки и прогонных деньгах.

— Говорят, государева воля такова: пересмотреть все права на портовые сборы, дарованные при прошлом царствовании, — добавил адъютант.

Де Рибас поднялся и подошёл к окну, за которым виднелись недостроенные молы:

— Мы возводили крепость и порт на пустом берегу, не жалея сил. Но нынче петербургские чиновники считают не построенные гавани, а рубли и алтыны в ведомостях. Что ж, подготовим книги. Нам таить нечего: город стоит, порт принимает корабли.

Деревня под Курском. Извещение о казённом секвестре

В волостном селе у правления собрались крестьяне. Волостной писарь зачитывал свежий указ, присланный из Губернского правления:

— «Впредь до Высочайшего разбора дело о передаче волости в дворянское владение приостановить. Все подати и сборы вносить сполна в палату по прежним окладным книгам. Самовольные поборы и барщинные сверхнормы строго воспрещаются».

Мужики переглядывались, не смея верить услышанному. Старый староста, сняв шапку, негромко молвил:

— Значит, покамест опять под казной стоим. Ни воеводскому приказчику, ни дворовому тиуну лишнего гроша не отдавать.

— А если новый барский указ придёт? — спросил кто-то из толпы.

— Придёт указ, будем повиноваться, — ответил староста. — А пока бумага с государевой печатью требует платить строго по закону, так тому и быть. Нынче за порядок и в Петербурге, и в деревне строго спрашивают.

Кабинет Павла I. Поверка екатерининских пожалований

В кабинете императора Павла горели свечи. На широком столе из зелёного сукна лежали стопки дел, доставленных из Кабинета Ея Императорского Величества и Сенатской канцелярии. Это были реестры земель, чинов и дач, отданных в частное владение за последние годы.

Император быстро перебирал фолианты, нанося на поля короткие резолюции сухими взмахами пера: «В Казну», «Поверить по окладным книгам», «Оставить до выслуги».

Стоявший у стола граф Фёдор Васильевич Ростопчин осторожно заметил:

— Государь, среди пожалованных есть люди, понёсшие немалые труды по военным и гражданским ведомствам. Адмирал де Рибас, к примеру, представил оправдательные ведомости по постройке Одесского порта и южных укреплений.

Павел на секунду замер, держа перо над бумагой, и отрывисто произнёс:

— Кто строил крепости и выводил корабли в море, тех службы не порочить. Оставить дачи де Рибасу, но с условием: палата обязана сличить каждый ассигнованный рубль с готовой каменной кладкой. Служба государству должна быть доказана делами и счётом, а не пышными рапортами.

— А как поступить с пожалованиями князя Зубова? — тихо спросил Ростопчин. — За ним числятся тысячи казённых душ и днепровские земли.

Павел отложил перо и строго посмотрел на секретаря:

— За Зубовым числилась не служба, а фаворитский двор. Ни одного уставного полка он не сформировал, артиллерию привёл в расстройство, а имения принимал как должную дань. Все земли, отданные ему без сенатского определения и вне службы, отписать в Казну.

Император закрыл последнюю папку и твёрдо прижал её рукой:

— Государство держится не фаворитской милостью, а строгим соблюдением закона и устава. Если раздать казну по знакомству и чинопочитанию, от империи останется лишь одна видимость. Передать все реестры в Сенат для немедленного исполнения.

Глава 8: Зеркало эпохи: сатира на переломе времён

Весна 1797 года.

В тесной петербургской комнате, где от невской сырости отмокали обои, а на столе чадил сальный огарок, сидел молодой сочинитель Арсений Нечаев. Пред ним лежали исчерканные листы комедии и поношенный том Фонвизина «Недоросль».

В дверь постучали и в покой вошёл его наставник, старый сатирик Порфирий Семёнович, прослуживший тридцать лет в коллегии иностранных дел.

— Всё над пьесой мудрствуешь? — спросил он, снимая подбитый заячьим мехом плащ. — Нынче, после новых указов о частных типографиях, за такие стихи можно не в журнал попасть, а под караул в Петропавловскую крепость.

Арсений поднял глаза:

— Именно нынче и надобно писать! Прежде лихоимец выходил в халате и брал прямо в кошель. Нынче он надел уставный мундир, застегнулся на все

крючки и молвит: «Я исполняю Высочайший регламент». Под уставным сукном приказная кривда стала только злее.

— Злее, оттого что прикрыта указом, — согласился Порфирий Семёнович. — Прежде за посул стыдили, а нынче за неуплату оклада по уставу с копейками под арест берут.

Арсений взял лист и прочёл отрывок из комедии:

Писцов: «Как же быть, ваше благородие? Волость от неурожая разорена, дети без хлеба сидят».

Судья: «Устав исключений не ведаёт, любезный. Исключение есть нарушение формы и самовольство. У нас не самовольство, у нас уставная тишина».

Писцов: «Да ведь не по умыслу недоимка вышла»!

Судья: «Закон о причине не спрашивает. Закон считает: внесено ли в окладную книгу. Не внесено, следовательно, учинён казённый ущерб и подлежишь правезу».

Порфирий Семёнович помолчал, разглаживая седые усы:

— Сложено резко. Но в Цензурном комитете сие не пройдёт. Нынче проверяют не только слова, но и самый дух. Покажешь приказного в мундире дураком, скажут, что хулишь государствену службу.

Салон княгини Урусовой. Разговоры о дисциплине

В залах княгини Урусовой собиралось общество, привыкшее следовать за столичною модою. Нынче в салоне обсуждали не французские романы, а новые павловские регламенты, строгость формы и отмену прежней дворянской вольности.

— Наконец-то казне и службе задан настоящий порядок! — говорила дама в строгом капоте без прежних пышных фижм. — Всё по часам, чиновники в застёгнутых кафтанах, ни малейшего суетного безделья.

Сидевший подле Нечаева молодой офицер тихо проворчал:

— Порядок... От этого порядка в коллегиях сухой переплёт трещит. Прежде на судейского крючка можно было прокурору пожаловаться. Нынче прокурор первый говорит: «Всё исполнено по форме указов».

— Вы путаете наглый произвол с государственной дисциплиной, — холодно заметил присутствовавший надворный советник. — Дисциплина требует, чтобы всякий чин исполнял предписанное без умствований.

— А если предписанное разоряет просителя дочиста? — тихо спросил Арсений.

В салоне наступила неловкая тишина. Дама нервно перебрала веер:

— Молодой человек, вы судите слишком запальчиво. Нынче время строгое, но полезное для государственного тела.

Санкт-Петербургский цензурный комитет

На следующий день Арсений стоял в кабинете цензора, пожилого чиновника, перед которым лежала рукопись комедии. На столе горела свеча,

а рядом стояла банка с чёрной тушью для вымарывания недозволенных мест.

— У вас вот здесь, — цензор постучал пальцем по листу, — судья молвит: «Закон о причине не спрашивает». Сие есть дерзость и бросает тень на государевы суды.

— Но я списал сие с подлинного вывода Уездного суда! — возразил Арсений. — Там за три алтына недоимки крестьянина отдали под правеж.

Цензор строго посмотрел на сочинителя:

— Вымысел должен служить исправлению нравов, а не смущению умов. Нынче по Высочайшему манифесту всякое сочинение, где видится критический смысл на судейские чины, подлежит запрещению.

— Стало быть, сатира вовсе воспрещена?

— Разрешена сатира на частные пороки, на глупость, мотовство или невежество, — отрезал цензор. — А судейский устав и форму службы затрагивать не смейте. Вымарывайте эти сцены, или я задержу всю рукопись.

Уездная ярмарка. Народная молва

За пределами столицы, на ярмарочной площади провинциального города, около балагана собрался народ. Скоморох в поношенном кафтане выкликал прибаутки, поглядывая, нет ли поблизости отряда земской полиции:

— Прежде барин брал да кланялся: «Спасибо за приношение!».

Нынче приказный смотрит волкодавом: «Где выпись? Где казённая марка?».

Прежде вора за версту видно было в халате, нынче вор надел мундир и зовётся начальным человеком!

Мужики и ходоки из окрестных деревень негромко смеялись. Сидевший на подводе волостной староста молвил своему спутнику:

— Верно сказывает. Прежде хоть ведали, кому кошель нести, чтобы дело решить. А нынче придёшь в нижний суд, один шлет к секретарю, секретарь к заседателю, а заседатель указывает на уставную доску: «Не положено по форме». И денег изведут, и правды не сыщешь.

Санкт-Петербург. Новая редакция пьесы

Вернувшись в свою комнату, Арсений Нечаев снова сел за рабочий стол. Он вычеркнул прямые обвинения и заново переписал явление, пытаясь облечь сатиру в форму эзопова языка, принятую ещё Кантемиром:

Писцов: «Ваше высокородие, я ищущу правды и милосердия»!

Судья: «Правосудие, любезный, состоит не в милосердии, а в точном сличении параграфов. Милосердие есть дело частное, а устав государственное».

Писцов: «Но, если параграф давит человека насмерть?»

Судья: «Значит, человек поставлен не по форме, а параграф стоит нерушимо. Государственное здание держится не слезами, а крепостью законов».

Арсений отложил перо. В окно стучал весенний петербургский дождь.

Сидевший в углу Порфирий Семёнович тихо проговорил:

— Вот сие пройдёт. Тут прямого бунта нет, а горчица осталась. Пусть читатель сам думает, каково жить в доме, где параграфы крепче человеческой жизни.

Осень 1797 года: Печатный станок, театр и рукописные списки

В типографии Сенатской канцелярии пахло свежей олифой, типографской сажей и влажной бумагой. Сочинитель Арсений Нечаев стоял у печатного станка, смотря, как наборщик снимает с прессы первые оттиски комедии.

Рядом стоял фактор типографии, старый мастер с пальцами, въевшимися в чёрную краску:

— Вот, господин Нечаев. Экземпляры запечатаны, как велел Цензурный комитет. Все сомнительные места вымараны тушью. Вместо «устав давит» набрано «устав строг». Вместо «судья наживается» — «судья исполняет форму». Однако же, господин сочинитель, в партере и в салонных собраниях нынче каждый второй цензор.

Арсений взял ещё влажный томик:

— Главное, книга вышла. А то, что вычеркнули чернилами, читатель восполнит разумом.

Фактор покачал головой:

— Нынче читатель в Петербурге такой, что промеж строчек видит больше, чем на самом листе отпечатано.

Салон княгини Урусовой. Обсуждение издания

Спустя неделю книга ходила по дворянским домам. В салоне княгини Урусовой её обсуждали с той осторожной заинтересованностью, с какой говорят о делах ведомственных и судебных.

— Ах, эта пьеса господина Нечаева! — говорила дама с веером. — Совершенно благо- нравная зарисовка. О том, как судебский чиновник строго следит за исполнением указных статей. Очень назидательно.

Молодой офицер, сидевший подле Нечаева, тихо промолвил:

— Назидательно... Особенно если знать, какие явления вымараны губернским цензором.

Присутствовавший надворный советник ровным тоном заметил:

— Словесность обязана укреплять чинопочитание и уважение к уставу. Коли автор показал усердие судебных, тем самым оказал пользу государству.

Арсений молчал. Но во время чаепития одна из старых дам, наклонившись к нему, тихо проговорила:

— Я читала вашу пьесу в списочке. В том самом, что ходил до цензуры. И поверьте, сударь, вымаранные места просвечивают сквозь печатный текст яснее чёрных букв.

Малый театр. Представление без афиши

Постановка комедии прошла без пышных объявлений. Билеты разбирались через знакомых, а в зале собралась публика, изошрённая в понимании иносказаний.

На сцене актер, игравший судебного заседателя, произносил уставные реплики:

«Мы не имеем права отступать от формы. Устав не ведаёт слабости. Порядок превыше частных просьб!».

А персонаж-проситель, обедневший дворянин, отвечал:

«Но ведь под этой формой человек погибает без вины!».

В этот миг в зале воцарилась глубокая тишина. Зрители замерли, ибо за театральной речью слышался не вымысел, а повседневная приказная практика.

После спектакля в фойе шептались офицеры и секретари коллегий:

— Слышал, как сказано: «Казённый порядок превыше всего»? Сие ведь не о сатирическом суде сказано, а о наших губернских канцеляриях.

— Прежде вор в приказе озирался, а нынче укрылся параграфом и сидит нерушимо, — тихо отозвался другой.

Трактир на Покровке

За пределами дворянских салонов комедия разошлась в переделках и стихах. В ярмарочных трактирах купеческие приказчики и ямщики пересказывали сюжет, добавляя собственные подробности.

На ярмарке дед в бумажной треуголке выкликал под смех толпы:

— Ваше благородие, у меня лошадь пала, чем пахать?

— Лошадь пала, а окладная статья не пала! Статья вечна, как Сенатский указ!

— Да ведь без лошади я недоимку не вывезу!

— А то твоя забота. В Уставной книге про твои заботы не отпечатано!

Народ смеялся, но в смехе этом звучала суровая горечь. Сидевший у окна волостной староста молвил:

— Точно выведено. Нынче приказному и таиться не надо. Сошлётся на инструкцию и чист перед законом. А ты сиди под правежём.

Квартира Нечаева. Беседа с наставником

Вечером в комнату Арсения вошёл Порфирий Семёнович. На столе у Нечаева лежали рукописные списки вымаранных цензурой сцен, присланные неизвестными читателями.

— Ну что, Арсений, — проговорил старик, усаживаясь у окна. — Пьеса твоя живёт. Её поют на ярмарках, переписывают в канцеляриях, читают в салонах. Но она тебе более не принадлежит.

— Я того и искал, — ответил Арсений. — Чтобы сатира стала не моим словом, а общественной правдой.

Порфирий Семёнович вздохнул:

— Прежде сатиру писали, дабы высмеять отдельного глупца или лихоимца. Нынче её пишут, чтобы показать, как порок укрылся под сенью самого закона. И самое опасное не в том, что тебя зазовут в Тайную экспедицию. А в

том, что люди привыкнут к этой кривде и станут считать её единственно возможным порядком.

Кабинет цензора. Рукописные списки

Цензор, сидевший над печатным экземпляром пьесы, держал в руках ходивший по Петербургу рукописный список. На полях дворянским почерком были выведены восстановленные строчки: «Здесь вымарано о судейском посуле», «Здесь о казённом правеже».

Вошедший секретарь тихо спросил:

— Ваше высокоблагородие, по столице ходят сотни таких списков. Не приказать ли изъять?

Цензор опустил бумагу и посмотрел в окно на серую невскую воду:

— Изъять списки можно, Филипп Григорьевич. Но как изъять то, что читатель сам домысливает промеж печатных строк? Если запрещать всё, что люди понимают без слов, придётся закрыть все типографии и запечатать чернильницы.

Глава 9: «Смотр бумаг». Эпоха Николая I — порядок, который давит

Санкт-Петербург, 1830 год. Канцелярия Губернского правления

В канцелярии Губернского правления царила напряжённая тишина, нарушаемая лишь однообразным скрипом гусиных перьев. За столами сидели чиновники, уткнувшись в ведомости и окладные книги.

Титулярный советник Пётр Ильич, потирая воспалённые от ночного переписывания ведомостей веки, скрупулезно сверял цифры официальных отчётов.

Сидевший подле него столоначальник Семён Лукич, помнивший ещё екатерининские и александровские времена, тихо пробормотал, не поднимая головы от дела:

— Ты не на цифру смотри, Пётр Ильич, а на печать да подпись. При нынешнем государе не спрашивают, сколь душ ты призрел или сколько государственного леса сберёг. Спрашивают: сойдётся ли итог в формуляре с журналом Экспедиции.

Пётр Ильич вздохнул:

— А если в уездной описи за прошлый год обретётся недоимка в три алтына?

— Тогда попадёшь под сенаторскую ревизию, — ответил Семён Лукич. — Прежде за проступок могли простить по Высочайшей милости или по заступничеству вельможи. Нынче бумажная ошибка приравнена к государственному проступку. Формуляр чистоты требует.

В эту минуту в канцелярию вошёл экспедитор с предписанием из Министерства внутренних дел:

— Господа! По губернии объявлена внезапная сенаторская ревизия. Проверке подлежат все сметы и экстренные расходы за последнее трёхлетие.

В комнате мгновенно прекратились разговоры. Пётр Ильич опустил перо, с ужасом глядя на гору канцелярских дел:

— Прежде брали по чину и давали по знатности... Нынче же всякий чиновник трепещет не перед гневом начальника, а перед неверно поставленной буквой.

Кабинет губернатора. Страх и ведомственный отчёт

Губернатор, действительный статский советник Андрей Петрович, стоял перед картой вверенной ему губернии. На столе перед ним лежали рапорты уездных исправников и полицеймейстеров.

В кабинет тихо вошёл губернский прокурор:

— Ваше превосходительство, из N-ского уезда поступают челобитные. Крестьяне заявили о незаконных сборах, учинённых земским судом.

Губернатор нахмурился, не скрывая усталости:

— Если я отправлю туда следственную комиссию и открою дело, министерство затребует экстренный отчёт. В Петербурге спросят: «Отчего в губернии допущено нестроение?» и меня уволят от должности за недосмотр.

— Но ведь злоупотребление налицо, — заметил прокурор.

— С точки зрения закона налицо не злоупотребление, а неверно составленный рапорт, — сухо ответил губернатор. — Моя задача предоставить в Министерскую канцелярию чистый отчёт, где все суммы покрыты указными статьями. Порядок в империи держится не на отыскании каждого греха, а на том, чтобы ведомственные бумаги не имели противоречий.

Квартира Арсения Нечаева. Новая сатира

Арсений Нечаев, посевший и оставивший прежние драматические опыты, сидел в своём кабинете за разложенными газетами и выписками из Свода законов.

К нему пришёл молодой литератор, искавший совета старшего мастера:

— Я хочу написать повесть о провинциальном чиновничестве. О том, как они боятся ревизоров, как укрывают сметы и дрожат перед каждой сенатской бумагой.

Нечаев усмехнулся, опираясь на трость:

— Пишите. Только оставьте прежние патетические обвинения против лихоимцев. В наше время сатира кроется не в открытом воровстве, а в самом уставном порядке. Опишите человека, который не крадёт, но сходит с ума от страха перед канцелярией и неверной чёрточкой в отчёте.

Молодой человек помедлил:

— Разве это сатира, а не бытописание?

— Это сатира нового времени, — тихо проговорил Нечаев. — Прежде высмеивали наглый произвол. Нынче следует показывать, как сухой регламент и канцелярский страх вытравливают из службы всякую живую

душу. Когда исполнение инструкции становится единственной целью службы, сам закон превращается в глухую стену.

Арсений взял с края стола лист и прочёл набросок:

Начальник стола: «У вас в ведомости о рекрутском наборе обретаётся разница в две копейки»!

Писец: Ваше высокородие, сие есть описка канцеляриста при пересчёте прогонных денег»!

Начальник стола: «Описка в официальной книге есть преступление против формы! Сенат не знает описок. Сенат знает нарушение устава. От этого выговора ваш формулярный список испорчен навсегда».

Уездный город. Приказный уклад

В уездном городе у здания Нижнего суда земский исправник строго проверял квитанции у торговцев и мещан.

Местный купец, надеясь ускорить решение дела о подряде, попытался сунуть чиновнику конверт:

— Ваше высокоблагородие... за труды ваши канцелярские.

Исправник отёрнул руку, точно от раскалённого железа, и крикнул, оглядываясь:

— Ты сумасшедший! Нынче за сие не просто со службы сдвинут — попрут под суд и лишат чинов! У нас каждый месяц ревизия из Губернского правления! Мне не кошелёк твой нужен, а чтобы в твоей заборной книге каждая цифра совпадала с палатой!

Купец растерянно опустил руку:

— Стало быть, и по человечеству дело решить нельзя?

— По человечеству нынче не служат, — отрезал исправник. — Служат по Своду законов. А в Своде законов твоих прошений нет, там только статьи и штрафы.

Кабинет Николая I. Цена порядка

В кабинете императора Николая царствовал военный порядок. На огромном столе стояли аккуратные стопки донесений, ревизионных актов и формулярных списков чиновников Империи.

Министр юстиции докладывал о результатах сенаторской проверки в одной из центральных губерний:

— Ваше императорское величество, в палате вскрыты укрывательства недоимок. Чиновники подделывали ведомости, чтобы не показывать реального разорения уезда.

Николай I поднял строгий, холодный взгляд:

— Предать всех виновных военному суду. Без различия чинов и прежних заслуг.

— Государь, — проговорил министр, — многие из них не имели умысла на украдение казны. Они исказили ведомости из страха перед Высочайшим гневом и обвинением в нераспорядочности.

Император поднялся и твёрдо произнёс:

— Ложь в официальной бумаге есть измена присяге. Служба государству держится на точной отчётности и неукоснительном исполнении долга. Если бумага лжёт, значит, распадается сам порядок. Пусть чиновник боится не моего гнева, а боится отступить от предписанного закона хотя бы на единую черту.

Уездный город, 1833 год. Кабинет уездного казначея

В кабинете уездного казначея Матвея Семёновича Гордеева царил строгий приказный порядок: на стенах Высочайше утвержденные правила приема денег и печатный календарь; на столе шнуровые книги, ведомости, чернильница с потемневшим серебром и гусиные перья.

Матвей Семёнович сидел, склонившись над квартальным отчётом палаты. Цифры не сходились на тридцать семь рублей и двенадцать копеек. Для сенаторской проверки сие составляло не просто мелкую опisku, а нарушение формы.

В дверь постучали и вошёл его помощник молодой коллежский регистратор Василий:

— Матвей Семёнович, из Губернского правления доставлен ордер: велено все книги за прошлый окладный период представить к пятнице. И отдельно прописано: «Дабы ведомости не имели расхождений с казёнными поступлениями».

Гордеев опустил перо:

— «Не имели расхождений»... А ежели подлинный недобор обретаётся?

— Старые канцеляристы советуют: лучше перенести сию сумму на будущую статью расходов, пока не приехала ревизия от палаты.

— Перенести? То есть внести ложную запись в шнуровую книгу?

Василий опустил глаза:

— Не ложную, сударь... а покрыть из экстренных сумм. Так во всех земских судах делают.

Гордеев с достоинством отодвинул папку:

— Я ложных статей вносить не стану. Если в казне обретаётся дефицит в тридцать семь рублей, я в рапорте пишу: «Недостача 37 руб. 12 коп. Нарушение произошло по причине задержки государственного подряда, актом Земского суда подтверждается». Пусть проверяют.

Василий вздохнул, понимая последствия:

— На вас же наложат взыскание! Губернский прокурор скажет, что уездный казначей не держит порядка. А за нарушение формы оклада вас вызовут в палату для объяснений.

— Порядок держится не на укрывательстве, а на чистой совести пред законом, — отрезал Гордеев. — Если мы начнём в ведомостях цифры подправлять, чем мы станем отличаться от подъячих прежних времён, что бережливость изображали, а казну разоряли?

Губернская палата. Уставная тишина

В приёмной Губернской палаты Василий встретил старшего столоначальника, чиновника с сухим, бессмысленным лицом, прослужившего в канцеляриях тридцать лет.

Тот сочувственно покачал головой, услышав о решении казначея:

— Опрометчиво поступает Матвей Семёнович. В Казённой палате нынче требуют не рассуждений, а точной ведомости.

— Но ведь правда и есть основа закона! — возразил Василий.

Столоначальник посмотрел на него с утомлённой строгой жалостью:

— Основа государственной службы — чистота формуляра. Порядок есть тогда, когда все оклады сопоставлены с губернской сметой. А если ваша правда ломает годовой отчёт, прокурор не станет разбираться, кто прав. Он назначит ревизию. А ревизия — это удержание жалованья, понижение в чине и наглая молва по всей губернии.

Он постучал пальцем по толстому делу:

— Нынче служащий человек держится не порывом, а точным исполнением предписаний Свода законов.

Кабинет вице-губернатора. Ведомственная дисциплина

Когда рапорт Гордеева прибыл в Губернское правление, вице-губернатор, статский советник, даже не стал углубляться в приложенные акты Земского суда. Взглянув на цифру недостачи, он усмотрел в этом прямое нарушение ведомственного порядка.

Начальник Контрольного отделения доложил:

— Ваше превосходительство, уездный казначей Гордеев не покрыл недостачу другими статьями, а подал прямой рапорт о задержке государственного подряда.

Вице-губернатор строго нахмурился:

— Прямой рапорт о недостаче бросает тень на всё Губернское правление. В Петербурге, в Министерстве финансов, скажут: «В губернии допущено нестроение и слаб надзор за казной».

— Однако казначей не укрыв ни единой копейки, — заметил советник.

— В казённом деле прямота, не согласованная с инструкцией, хуже халатности, — холодно ответил вице-губернатор. — Нам требуется не показательное усердие, а чтобы бумаги были исправны и не вызывали вопросов у сенаторской проверки.

Он взял перо и наложил резолюцию: «Вызвать казначея Гордеева в Губернское правление для дачи письменного объяснения. Назначить внеплановую выверку кассовых книг за прошлые года».

Дом казначея. Вечер перед вызовом

Дома Матвея Семёновича ждала супруга, привыкшая к суровым правилам чиновничьего быта. Она молча подала мужчине самовар и присела у стола.

— Завтра еду в губернский город, — проговорил Гордеев, сгибая лист с вызовом.

Она тихо вздохнула:

— Снова из-за бумаг? В прошлом году ты отказался подмахнуть смету земскому исправнику, в позапрошлом не взял посула за откуп...

— Я исполняю присягу и указ, — ответил Гордеев.

— Нынче за точное исполнение указа только выговоры получают, — прошептала она. — Все служат так, чтобы начальник был доволен и отчёт был гладок. Зачем тебе одному против всего ведомства стоять?

Гордеев горько усмехнулся:

— Ежели всякий чиновник станет гладкость отчёта ставить выше пользы государевой, то за красивой бумагой империя не увидит, где нанесён урон.

Губернское правление. Объяснение

На заседании присутствия Губернского правления Гордеев стоял перед советниками, держась прямо и с достоинством.

Председательствовавший чиновник строго перебрал листы дела:

— Вы показали в отчёте прямой недобор. Отчего не покрыли сумму за счёт текущих остатков до выяснения дела с подрядчиком?

— Потому что текущие остатки назначены на иные статьи оклада, ваше высокородие, — спокойно ответил Гордеев. — Переносить суммы из одной статьи в другую без указного разрешения есть нарушение Свода законов.

— Формальное соблюдение статьи не должно разрушать общий порядок отчётности, — возразил председатель. — Отчёт Губернского правления должен свидетельствовать, что ведомство работает без сбоев. Вы же подаёте повод для экстренной ревизии.

— Стало быть, я должен был исказить казённую книгу, дабы показать мнимое благополучие?

— Вы должны были подать отчёт в соответствии с Уставными правилами делопроизводства, — отрезал председатель. — Назначить над вами документальную проверку.

Квартира Арсения Нечаева

В Петербурге старый сочинитель Арсений Нечаев слушал рассказ молодого литератора Василия о судьбе уездного казначея Гордеева.

— Вот вам и сюжет для новой повести, — тихо проговорил Нечаев, глядя на заснеженную улицу. — В XVIII веке сатира бичевала наглого грабителя в халате. Нынче сатира должна показывать, как сухой канцелярский уклад карает человека за то, что он не пожелал лгать на казённой бумаге.

Он взял перо и набросал в рабочей тетради:

Начальник контрольного стола: «У вас в книге значится некомплект в тридцать рублей»!

Казначей: «Сие есть истинная правда, подтверждённая актом»!

Начальник контрольного стола: «В канцелярии нет правды, кроме правды указного формата! Некомплект в книге есть преступление против ведомственного порядка. Выправьте формуляр и будете исправным слугой».

Василий перечитал написанное:

— Это ведь не просто о казначее... Сие обо всем нашем приказном сословии.

— Именно, — кивнул Нечаев. — Когда формальная бумажная отчётность становится важнее самой службы, честное исполнение долга превращается в нарушение Устава.

Глава 10. «От жизни к сцене»: как история Гордеева дошла до Гоголя

Москва, 1834 год. Литературный вечер у Погодина

В московском доме профессора Михаила Погодина у Девичьего поля собралось сословие словесного мира: профессора Университета, молодые кандидаты, переводчики и издатели журналов. Пожилой Арсений Нечаев стоял у книжного шкафа, прислушиваясь к спорам о народности и о духе новой словесности.

В углу, у небольшого стола, сидел Николай Васильевич Гоголь. Тот сидел чуть ссутулившись, в суконном сюртуке, и быстрыми движениями заносил что-то в сафьяновую книжку. В нём не было ни выправки, ни желания казаться вельможей от литературы. Он словно подмечал то, что другие проглядывали.

Арсений подошёл ближе и тихо проговорил:

— Вы все фиксируете на бумагу, Николай Васильевич. Точно опасаетесь, что живая картина ускользнёт.

Гоголь поднял зоркие глаза, слегка смутившись:

— Ускользает, сударь. И самое важное ведь не в торжественных манифестах, а в мелочах: как чиновник бледнеет при вести о сенаторском поезде, как купец сует подачу и оглядывается на городского. Из этих незаметных черт и складывается настоящая жизнь.

— Или истинная кривда, — добавил Нечаев. — Я хотел поведать вам случай. Про уездного казначея Гордеева, что не захотел покрывать дефицит в официальной книге ложной статьёй.

Отодвинувшись от шумного общества к окну, Арсений рассказал Гоголю историю Матвея Гордеева: про тридцать семь рублей и двенадцать копеек, про допрос в Губернском правлении и про то, как честное исполнение Устава было объявлено нарушением ведомственного порядка.

Гоголь слушал, не перебивая, листая записную книжку и делая короткие отметки карандашом.

— Трагедия здесь не в том, что казначея нарядили под следствие, — произнёс Гоголь по некотором раздумье. — Трагедия в том, что Губернское правление признает сие единственно верным ходом дел. Получается, что

укрывательство и ложная ведомость суть порядок, а истинное положение вещей нестроение и бунт.

— Именно так, — ответил Арсений. — И ужаснее всего то, что чиновники искренне верят: коли в палате ведомости сшиты и скреплены печатью, то и в губернии благоденствие.

Гоголь задумчиво перелистал тетрадь:

— Я давно ищу сюжет, где бы не один грабитель высмеивался, а само приказное сословие, где всякий человек, от городничего до писца, совершает мелкую сделку с совестью ради чистоты формуляра.

Он раскрыл тетрадь и зачитал набросок:

Городничий: «Так, так... Чтоб в богоугодных заведениях все было по уставу. Чепчики чистые, и чтоб ни одной челобитной ревизору в руки не попало»!

Почтмейстер: «Но ведь прошения есть глас обывателей, ваше высокородие».

Городничий: «Глас бывает благонамеренный и вредный. Вредный глас мы под сукно кладем. Мы его... за не бывшее почитаем».

Почтмейстер: «А ежели сенатор сам про то дознается?»

Городничий: «А дознается, скажем, что сие есть напраслина и нарушение порядка. А за нарушение порядка мы под суд отдаём»!

Арсений грустно улыбнулся:

— Сие уже готовая сцена для комедии.

— Ещё не комедия, — возразил Гоголь. — Но мне надобно, дабы зритель в зале не просто смеялся над глупостью уездного начальства, а вдруг с ужасом спохватился: «Господи, да ведь мы сами так живём! Мы сами формуляром заслоняем человека!»

Трактир у Сухаревой башни: Слухи и страх

Спустя несколько дней Нечаев и Гоголь зашли в трактир возле Сухаревой башни. За липовыми столами купцы, цеховые и мелкие канцеляристы вели откровенные разговоры.

За соседним столом двое подрядчиков обсуждали уездного исправника:

— Слышно, из Петербурга инспектирующий генералитет едет. Так исправник на ярмарке у всякого лоточника указной патент затребовал! Прежде хоть по-соседски позвать да умиловать можно было...

— По-соседски нынче не велено, — отозвался другой. — Нынче по Своду законов берут. А по Своду — у всякого патента край загнут.

Рядом мещанин в армяке пробормотал в кружку:

— Прежде приказный хоть дело делал за посул. А нынче посул берёт, да ещё бумагой тычет: «Не имею права по инструкции!».

Гоголь быстро заносил слова в книжку, затем шепнул Нечаеву:

— Видите? В народе уже живёт свой «Ревизор». Не как пьеса, а как всеобщий страх перед государственной проверкой. Ревизор для них не чиновник, а карающая десница, перед которой всякий чувствует свою греховность. И сей всеобщий трепет перед ревизией и есть главный герой.

Кабинет Погодина: Логика «Мёртвых душ»

Позже, разбирая рукописи в кабинете Погодина, разговор зашёл о другом замысле, о поэме «Мертвые души».

— Я желаю показать не просто одного пройдоху, — пояснял Гоголь, — а целую вереницу помещиков и чиновников, из которых каждый оправдывает свой грех уставным правилом. Один говорит: «Так в губернии заведено»; другой: «Я человек маленький, исполняю ордер»; третий: «Мне законы переписывать не указано». И из этих мелких оправданий вырастает мертвящая ложь.

Арсений кивнул:

— Как в случае казначея Гордеева. Он не стал прикрываться ведомственной инструкцией и его объявили нарушителем Устава.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.